

АГАПОВ ВЯЧЕСЛАВ

ТРЕЩИНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вячеслав Вадимович Агапов

Трещины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57451472

SelfPub; 2024

Аннотация

Мастерская художника, чьи картины принялись беспорядочно оживать. Уютный ирландский паб, где коротает вечера одинокий собиратель душ. Расположенные по всему свету лавки, продающие самые разнообразные чудеса. Настоящее Волшебное королевство, на окраине которого ждёт своего часа типичный избранный. Все они связаны незримой нитью, схвачены сетью трещин, раскинувшейя по поверхности стекла, через которое вы смотрите на них. Это сборник историй трагичных и забавных, мимолётных и размеренных, с эпичным размахом или стиснутых до масштабов камерного представления. Главное, что они все живые, невероятно реальные и захватывающие, словно осьминог. Содержит нецензурную брань.

Вячеслав Агапов

Трещины

В каждом уголке необъятного земного шара, на каждом клочке земли, вовлечённом в безумную и хаотичную суматоху под названием «Жизнь», царит своя, особенная атмосфера. Каждый город по-своему пахнет, иначе шумит по ночам, дождь там идёт совсем под другим углом – и не стучит по темени, а всё норовит попасть за шиворот. Этот обособленный кусочек мироздания начинается для вас с огромного щита с надписью «Тверь» или «Владимир» или «хутор Большая Паника», с особенных колдобин на дороге, какого-то совершенно невообразимого ветра, кривых и запутанных улочек...

К чему вы сразу прицепитесь? К густому, точно кисель, туману; дьявольскому пеклу; или же ясному солнышку, согревающему в погожий день. Если кто-то скажет «Питер» – сразу представите белые ночи и проливной дождь, который не прекращается круглые сутки, семь дней в неделю. Когда вы попросите описать погоду в Волгограде, я отвечу – это не погода, а сущее издевательство, проклятие с небес.

Меня не удивить метеорологическими кониками – в городе, где пляшут мосты, по определению положены раскардаш и тарарам. Летом здесь плавится от жары асфальт, а зимой пар изо рта замерзает в полёте и падает оземь хрустальными

брызгами. Дождям, бичующим эту землю, ужаснутся даже жители экватора, а засухе – самые прожжённые кочевники. Абсолютно нормально, если в середине января вы не можете найти ни единой снежинки. Всё это с огромной компенсацией выпадет в апреле, и все транспортные магистрали и трассы встанут намертво на несколько дней.

К слову сказать, я умею вызывать дождь. Для этого достаточно надеть белые носки, белые туфли, белые, опять-таки, брюки, белую (кто бы мог подумать!) майку или рубашку и для пущей эффективности метода взять с собой что-то очень ценное, например, парадный костюм, важные документы или фотоаппарат без чехла. Этот нехитрый способ гарантирует тропический ливень, даже если пять минут назад в небе не было ни облачка. Увы, в обратном порядке он не работает, а выходить на новую работу во всём чистом и нарядном я уже зарёкся. И вот на тебе – лупит стеной. Повинуясь властной руке невидимого дирижёра, дождь барабанит по стёклам, усердно стучит о жестяные козырьки и держит строгий ритм, в который изредка вклиниваются далёкие раскаты грома. В мерном плеске мириад крохотных капелек, складывающихся в гигантских масштабов симфонию, мне чудится чей-то жуткий шёпот, треск ломаемых костей и даже шкворчание бикфордова шнура.

Ох, до чего не хочется работать в такую мерзкую погоду! Сейчас бы угнездиться в большом мягком кресле, завернуться, точно в кокон, в большой ворсистый плед, придвинуть

поближе вазочку со вкусоностями и побаловать себя здоровой кружкой кофе, сдобренного щедрой порцией корицы, ванили и кардамона. Замечательно, конечно, если есть с кем разделить эту огромную, горячую кружку, полную ароматного напитка Богов, но что поделать...

Я достал из кармана телефон, прикрыл экран ладонью, чтобы на него не попала вода. Пара капелек всё-таки заляпала сенсор, выругавшись, я вытер его о куртку, и он тут же покрылся мерцающими разводами.

«Революционная 24, квартира 9, Никитин Дмитрий. 16:14. « – значилось в последнем сообщении. Никаких пояснений или условий выполнения заказа, так даже проще. Люблю, когда предоставляют полную свободу действий.

Я огляделся по сторонам, не заметят ли моих фокусов с домофоном. Иногда, для пущего разнообразия, я люблю обзвонить соседей, представиться чужим именем и слёзно попросить их впустить, неловко извиняясь и проклиная свою забывчивость, неряшливость или глухоту домочадцев. Чаше, правда, приходится выслушать о себе немало нелицеприятных, оскорбительных и обидных выражений, зато это вносит некую приключенческую нотку в мою нелёгкую профессию. Но сегодня настроение и без того было ни к чёрту, так что я решил освежить навыки взломщика. Пара движений, – и под незамысловатую мелодию домофона я вошел в подъезд, отряхиваясь, точно дворовый пёс, пущенный внутрь на вре-

мя непогоды.

Такая знакомая планировка – помнится, где-то на этой улице, так же на третьем этаже жила девушка, которую я сильно любил... Дело было в 11 классе, то бишь, самый подростковый возраст – тут и неразделённые чувства, депрессия и прочие грусть-печаль, и песни-стихи, цветы и романтические признания... А всё почему? Потому что иначе это был бы не я.

Умею же глянуть случайной девушке в глаза цвета океана во время шторма, нафантазировать невесть что, сотворить себе идеальный образ, а потом страдать, страдать... Эх, даже чаю не могу спокойно заварить – изойду на всяческие тревожные мысли, сомнения, верный ли я сделал выбор? А с делами амурными в моей жизни творится катавасия сродни Шекспировским сонетам. И дело не только в моих фантазмагоричных критериях подбора «Любви всей моей жизни» и не в тотальном неумении «ухаживать»... Чёрт побери, даже если вдруг какая-то девушка положит на меня глаз... В моём мозгу срабатывает датчик тревоги и начинает голосить: «Алярм! Тревога! Что-то здесь не так!! БЕЖИМ!!!

Ага, вот и девятая квартира. Двери даже не заперты. Петли, правда, заметно скрипят, но, судя по стонам, доносящимся откуда-то из спальни, моя скромная персона здесь интересна в последнюю очередь. Я осторожно прикрыл за собой дверь и достал из сумки пару чёрных перчаток из тонко выделанной кожи. Пожалуй, самый интересный атрибут моей

профессии, к ним пришлось очень долго привыкать. На вид это – самые обычные перчатки, подобные штабелями валяются на рыночных лотках, цена им, как говорится, рупь – штучка, два – кучка. Но с этой парой не всё так просто. Перед тем, как надеть их, я сделал глубокий вдох, точно готовился переплыть бассейн. С первых прикосновений обжигающе холодной кожи ты чувствуешь, как темнеет в глазах и всё вокруг расплывается, словно снял очки. В висках стучит, внезапно перехватывает дыхание, точно тебе дали под дых в подворотне; в ушах поначалу нарастает звон, а затем – кристально чисто и отчетливо становятся слышны даже отдалённые голоса. Сердце постепенно замедляется со скорости пулемётной очереди до едва различимых редких толчков. Двигаешься словно в густом киселе, при этом мозг начинает работать, словно лабораторная вычислительная машина: прикидывает, что поджечь, чтобы огонь распространялся быстрее, блокируя выходы; с какой скоростью это помещение заполнится угарным газом; какое усилие и в какую точку нужно приложить, чтобы обрушить несущую стену...

При этом на интерьер, обстановку и цветовую гамму обоев я и внимания не обращал – подумаешь, типичная холостяцкая квартирка, в которую если и водить девок, так только в подобном «романтическом» полумраке. Единственное, бредя практически на ощупь в кромешной темноте, я запутался ногами в кофточке, и тихонько выругался на тему чьей-то похотливой безалаберности.

И вот – посмотрите! – развалились двое на скрипящей кровати, пыhtят, постанывают и сопровождают процесс весьма грязными терминами. Ладно, чем меньше вдаёшься в подробности, тем проще работается. Я тактично покашлял. (Ну, принято так говорить, хотя это в корне нетактично – вламываться в чужую квартиру, да ещё прерывать сладостный акт соития)

Парень вскочил с кровати, точно ужаленный, и принялся одеваться с такой скоростью, будто решил, что он находится в казарме и должен быть готов ко всем тяготам службы, прежде чем догорит спичка.

– Какого хрена? Ты кто вообще такой? Ты чего забыл в моей квартире? – кряхтел он, пытаясь натянуть джинсы задом наперед.

– Дима, ты обалдел? С кем ты разговариваешь? Иди ко мне, – сладко потянулась девушка. Надо отдать должное, её предложение было очень соблазнительным, и в иной ситуации им нужно было воспользоваться. Расположившись среди смятых простыней, она даже не пыталась прикрыться, что меня особенно радовало.

– Это я обалдел? Да вот же он, он пялится на тебя!

– Дима, завязывай с этой хернёй, это не смешно!

– Можешь с ней не спорить, – сказал я, – она меня не видит, не слышит и даже если решит пробежать в туалет прямо сквозь меня, не почувствует ничего, кроме лёгкого холода. К

сожалению, я тоже не смогу оценить все прелести тактильного контакта, если ты понимаешь, о чём я.

– Ты чего несёшь? Хрена ли ты вломился сюда и порешь чушь? Чего тебе нужно?

Не дожидаясь окончания этой гневной (и откровенно бесполезной) тирады, я схватил его за плечи и встряхнул:

– Эх, Димка! Почему каждый раз, как по накатанной? Нет бы попробовать дать мне в морду! Ну, на худой конец, истерично закричать и убежать! Но к чему каждый раз это представление? «Какого хрена?» «Чего ты тут забыл»? – картинно промямлил я, – Чувствуешь, как от моих прикосновений по телу разливается слабость? Как подкашиваются ноги? Чувствуешь, как стальные обручи сжимают грудь, дышать становится нестерпимо тяжело, а внутри что-то рвётся, точно туго натянутые струны? Огонь пожирает тебя изнутри, охватывает каждую клеточку тела, и с каждым мгновением он разгорается всё сильнее. Ты отчаянно хватаешь воздух губами, проталкиваешь его к голодающим легким, но они трясутся, будто в лихорадке, отказываясь принимать кислород. Ты хрипишь, заходишься в кашле, но эта смертельная хватка не ослабевает. Слышишь, как кричит твоя Кристина? Видишь, как она вскакивает с кровати и дрожащими руками набирает телефон «скорой»? Конечно нет – все чувства купированы, мир вокруг стал таким размытым, а ты купаешься

в безграничной боли, разрывая глотку нечеловеческим хрипом. Ты слышишь этот шум в ушах? Эту барабанную дробь, что неуклонно нарастает, и в ритмичном постукивании сердца ты понимаешь – вот она, Смерть.

Он попытался вырваться (а я и не особо-то старался помешать), но не удержался на ногах и с грохотом рухнул на пол, яростно раздирая скрюченными пальцами грудь. Нет сил ползти – их не хватает даже на крик, – изо рта вырываются только жалкие звуки, которые заглушают рыдания девушки, диктующей адрес врачам. Бесполезно. Те даже не успеют найти ближайшую бригаду.

– Пожалуйста! Быстрее, прошу вас! – умоляла девушка в трубку, – он же не может дышать, он... он белый как смерть, он задохнётся!

Поздно, девочка моя. Дима лежит почти неподвижно, только изредка конвульсивно подёргивается, и воздух с хрипящим звуком выходит из легких. Из уголка рта течёт алая струйка крови. Свет погас в полных отчаяния и ужаса глазах, уцепившихся за меня застывшим мёртвым взглядом. Я знаю, почему покойникам принято опускать веки... Нет никаких сил вынести их осуждение, панику, боль... Эти глаза преследуют меня, сменяют друг друга в бесконечной череде ночных кошмаров, лишают сна и покоя.

Я опустил перед телом на колени и вытащил из сумки крохотный точёный пузырёк, подобный тем, что содер-

жат умопомрачительные ароматы от известнейших мировых парфюмеров.

Тело задрожало, выгнулось дугой, запрокинув подбородок и распахнув рот, точно стараясь в самый последний раз вдохнуть полной грудью. Из широко открытого рта вначале неуверенной, еле заметной струйкой, а потом всё гуще, гуще, повалил бледно-синий, клубящийся, плотный дым, принимающий причудливые формы. Я обхватил пальцами тугую пробку фиала и, крутанув пару раз, выдернул её со звонким хлопком, подставляя пузырёк навстречу потоку.

Девушка вздрогнула, будто что-то почувствовав, выронила телефон и тихонько заплакала. Всё верно, люди менее восприимчивы, вот кошки и собаки – те носятся кругами, голосят и затравленно смотрят на пустое, по мнению их хозяев, место.

Душа в плотно закупоренном фиале всё такая же обесцвеченная, разрывается на мелкие клочки, хаотично мечется в замкнутом пространстве. Уходила в страхе, смятении, бессилии. Хорош я, нагнал на парня ужаса. Не то чтобы я торопился забрать его побыстрее, я за показателями не гонюсь. Просто смерть выходит мучительная и жуткая, и на душу после такого просто жалко смотреть и... Эх, не знаю я, как это объяснить. Сорвался, дурак.

Я не глядя сунул флакон в сумку, с тихим «звук» он занял своё место в специальном кармашке рядом с ещё несколькими фиалами. Посмотрел на девушку – она немного притих-

ла, и всё так же безучастно сидела на полу, уставившись в одну точку. М-да, если друзья или родные не помогут справиться с таким шоком, возможно, через несколько дней придётся за ней вернуться.

Ночь за окном разгорелась сполохами красно-синих огней – подъехала «скорая», подвыванием сирен заботливо уведомляющая соседей, что кому-то сегодня приключилось худо. Я не успел и опомниться, как раздался требовательный стук в дверь.

– И чего ты ждёшь? – задал я вопрос девушке, – поднимайся, впускай врачей, они станут носиться со своими чемоданчиками, забитыми скудным набором лекарств, стараться реанимировать доисторическим дефибриллятором, до последнего будут пытаться запустить сердце, колоть адреналин, и что ещё есть у них там! Давай, не сиди безучастно, в тебе-то должна теплиться хоть какая-то надежда!

В кармане завибрировал телефон. Ой, нет. Это очень нехорошо. Совсем, совсем нехорошо! Прямо сейчас забрать и её? Нет, таких быстрых решений у нас не выносят. Это другой заказ, другое имя, иная судьба.

Где-то в далёкой темноте квартиры хлопнула входная дверь. Правильно, дорогие работники медслужб, не время церемониться!

Невысокая, сухонькая медсестра кинулась распаковывать объёмистую сумку препаратов, пока молодой врач сразу де-

ловито направился к телу. И прошёл прямо сквозь меня. Мне-то что, к таким фортелям не привыкать. а вот он от неожиданности охнул и встал как вкопанный.

– Что-то... ухxxx... будто меня под ледяной душ сунули... Аж сердце прихватило, трясёт всего. Обождите, дай дух перевести, парню-то, видно, уже ничем не поможешь, даже осматривать не надо.

– Проверь, вдруг нитевидный ещё ощущается. Вытащим парня с того света.

– Не с нашей снарягой, Марья Александровна, – хмыкнул он, – сколько он уже лежит? Бледный, как саван, зрачки на свет не реагируют, пульс... отсутствует. Можно заворачивать!

– Документы для начала оформи. А я пока девочку посмотрю, капельками успокоительными угощу, авось, она про симптомы какие вспомнит. Ты дверь почему не закрыл?

– Всё я закрыл! – возмущённо ответил медбрат.

– Значит, мне показалось, что она сейчас захлопнулась?

Нет, конечно! Это я поторопился выскользнуть в подъезд, глотнуть свежего воздуха, да поскорее стянуть перчатки. Каждый раз это ощущается, как похмелье после весёлого пятничного вечера – голова тяжёлая, словно пудовая гиря, в ушах – отзвуки морского прибоя, а во рту натурально кошачий туалет – сухой песок и поганый привкус.

В нагрудном кармане призывно загудел телефон, напоминая о непрочитанном сообщении. Рука привычно скользнула в недра куртки, нащупала полупустую коробку спичек, смятую упаковку жвачки, россыпь мелочи... и дыру в подкладке, которую я забываю заштопать уже не одну неделю. С грехом пополам высвободив мобильный, я по привычке пролистал длинный список уведомлений из разнообразных социальных сетей: кто-то от души забил ленту свежей пачкой фотографий в осенних листьях, кто-то прислал смешное видео с котятами, а непонятно как затесавшаяся в друзья одноклассница настойчиво предлагала проголосовать за неё в конкурсе на самую лучшую и самую романтическую пару. Ну и ересь.

А вот смс с новым именем так и не прислали, что странно. Обычно заказы приходят один за другим, только успевай бегать с одного края города на другой. Да я не в обиде – здесь поблизости весьма неплохая кофейня, где подают изумительный кофе раф. Можно посидеть в уютной обстановке, развалившись в мягком кресле, и, попивая горячий и до одури ароматный напиток, разглядывать струйки воды, бегущие по стеклу наперегонки. Ради такого удовольствия и не жалко лишний раз прогуляться под дождём.

Неспешно вышагивая по лужам, что переливаются всеми огнями вечернего города, я, как водится, размышлял о том, о сём. Может ли пингвин встать со спины; сколько попугаев в среднестатистическом боа-констрикторе и, традиционно,

как же это я докатился до жизни такой – не сижу в офисе за двадцаточку, а мыкаюсь под проливным дождём и... да как правильно это назвать? Забираю людей на тот свет? Пожинаю души? Оказываю предварительные ритуальные услуги? Я даже не помню, как это записано в моей трудовой книжке. Да, всё абсолютно легально и оформлено в соответствии с Трудовым кодексом, но такими витиеватыми формулировками, что оторопь берёт. Полтора года назад, когда я устраивался на работу, я, помнится, не до конца осознавал, чем мне предстоит заниматься. Сначала от балды написанное, сухое резюме, затем самое обычное собеседование, пару вопросов с подвохом из разряда «чего бы вы хотели достичь в нашей компании», «расскажите, как вы видите себя через несколько лет». Ох, наплёл же я там... Ну а что – мне сулили поистине баснословную зарплату, широкий соцпакет и гибкий график, при этом гарантируя нетривиальную работу вне офиса вкупе с частыми командировками. При этом, требовали **ПОВЫШЕННУЮ** (прямо так и было написано, огромными буквами!) стрессоустойчивость, а уж потом – стандартный набор из ответственности, пунктуальности и снова стрессоустойчивость. Теперь я понимаю, почему.

Между тем, вот и моё любимое заведение – затерявшаяся между двух бутиков скромная кофейня, совмещенная с кондитерской. Легко пройти мимо, даже если целенаправленно искать именно её – вывеска до того маленькая и незаметная, в сравнении с гаргантюанскими сооружениями сосе-

дей. Внутри крохотные диванчики, заваленные расшитыми подушками; множество шкафчиков, полных всяческих потрепаных книг, принесённых сюда из домашних библиотек, что когда-то давно считались семейным достоянием каждого уважающего себя интеллигента. С кухни доносятся дразнящие ароматы кофе и свежей выпечки. И, как назло, здесь полно людей: кто-то забежал укрыться от непогоды, кто – посидеть в шумной компании, поделиться новостями за чашечкой-другой, некоторые, как я слышу – за пару месяцев обсуждают предстоящий Новый год, а группа друзей за большим столом хвалятся фотографиями на экранах смартфонов.

Я не Хемингуэй, тот любил поработать в шумных кафе, будучи вовлечённым во всю житейскую суматоху. А для меня выпить кофе – особенный ритуал, который желательно проводить вдали от обезумевшей толпы. Эти ужасные, шумные скопления людей заставляют чувствовать себя совершенно неуютно, затравленно, всё вокруг становится каким-то чужим и ощущаешь себя непередаваемо одиноким и никому не нужным. Хуже только Интернет, с его лживыми обещаниями объединить людей, разлучённых расстоянием, сделать их ближе, предоставить возможность поделиться важным, сокровенным, значимыми моментами жизни.

Вокруг всё чужое, головы этих людей забиты своими, никому не интересными мыслями, и всё равно чужим на этом

«празднике жизни» остаёшься ты.

С грехом пополам я отыскал свободное местечко в закутке между огромными часами с кукушкой, явно оторванными на какой-то барахолке, и барной стойкой, по пути отловил молодую, растерянную официантку и попросил принести один кофе, без десертов, пирожных и прочих излишеств – только побольше корицы и сахара. Сбросил промокшую куртку, и присел за столик, рассчитанный на таких же одиноких посетителей.

Как обычно, оставленный наедине со своими мыслями, я предался воспоминаниям, пожалуй, единственной ценности, что осталась мне в утешение. Последнее время редким гостем в этих грёзах были события из беззаботного, голоштанного детства или юности, полной поисков себя и безнадёжных романтических переживаний. Раз за разом я вспоминал тот день, когда я стал Жнецом, переживал, словно наяву, смаковал его точно приторный и вместе с тем смертельно ядовитый сок дикого растения.

Всем известен древний, как бивень мамонта, способ научить плавать даже самого отъявленного бездаря, готового идти ко дну там, где вода едва доходит до щиколоток.

Трудно сказать, чем мотивировались наверху, посылая меня в такое пекло в первый же рабочий день – не давая времени на раздумья и рефлексии, окунуть в омут с головой или отпугнуть к чёртовой матери от такого бремени.

После заполнения чудовищного вороха бумаг, изучения должностных инструкций, подписей в журналах с техникой безопасности, я ожидал, что меня ещё и проверят на психическое здоровье. На моё удивление, кадровик ответил, что нормальным людям здесь делать нечего. Пока древний матричный принтер с утробным рыком печатал страницы моего трудового договора, что-то внутри меня тряслось и предостерегало, что обратного пути не будет, это – на всю мою оставшуюся жизнь, а я сидел и безучастно наблюдал, как заполняют все необходимые формы и мрачный завхоз достаёт для меня пару перчаток с инвентарным номером, закреплённым в личном деле. Двадцать минут спустя я отправился на свой первый заказ.

В автобус без отличительных знаков тогда набилось человек пятнадцать – толпа настолько разношёрстная, что я в жизни бы не угадал в этих людях своих коллег. Немолодая женщина, сосредоточившаяся на вязании. Рабочий в спецовке, бережно сжимающий сумку с инструментами. Двое молодых парней, одетых с иголочки: безупречно выглаженные костюмы; туфли, сияющие, точно медный пятак; на запястьях у каждого красуются часы стоимостью с самолётный фюзеляж.

Рядом с ними дремал, уронив голову на мешковатый рюкзачок, парень в замызганном спортивном костюме полиня-

лого цвета с гордой надписью «Naik»

Напротив сидела девочка с разноцветными локонами, одетая в подранные джинсы до колена, открывающие татуированные щиколотки, и светлую толстовку с нарисованными ярко покрашенными губами и надписью «Beware of bite». Девочка перебирала песни в айпоне и что-то тихо бормотала себе под нос. Пересёкшись взглядами, я увидел, что у неё разного цвета глаза; один веял холодом ледяного океана, другой – сиял янтарным огнём.

Немного помявшись, я занял одно из свободных мест рядом с благообразным старичком, читающим книгу. Больше всего он походил на уважаемого профессора времён развитого социализма – очки в роговой оправе, ухоженная борода цвета гашёной извести, выдавший лучшие времена плащ-макинтош. В руках, разумеется, Достоевский, «Братья Карамазовы». Старичок этот, в отличие от остальной публики, внушал действительные опаску и уважение и в полном праве претендовал на должность жнеца.

Надо сказать, посреди такого скопления незнакомых людей (с которыми мне предстояло отправиться на работу... и убивать других людей) я чувствовал себя в высшей степени неуютно, да что там! – я был в состоянии, близком к паническому. Потому я решил заговорить с кем-нибудь из окружающих, разрядить эту напряжённую обстановку и получить хоть какой-то экскурс в предстоящее дело. Докапываться до

человека в наушниках я считал неприемлемым, равно как и будить того, кто в неудобной позе пытается компенсировать явный недосып. Тут мне пришла в голову остроумная идея; я принялся искать в интернете цитаты из Достоевского, чтобы хоть немного «растопить лед». Ну-ка, посмотрим... «В самом деле, выражаются иногда про «зверскую» жестокость человека, но это страшно несправедливо и обидно для зверей: зверь никогда не может быть так жесток как человек, так артистически, так художественно жесток» – занятно, но не подходит к сложившейся обстановке. « – Я думаю, что если дьявол не существует и, стало быть, создал его человек, то создал он его по своему образу и подобию. – В таком случае, ровно как и Бога» Мда, оброни эту фразу невзначай – и сразу примут за умалишённого. Не найдя предлога получше, я обратился с вопросом к двум респектабельным парням:

– Ребята, а когда, собственно, поедем уже?

Те даже не обратили внимания, зато откликнулся старичок и, поправляя очки, ехидно произнёс:

– Смерти, молодой человек, спешить некуда. Она не несётся, спотыкаясь и одёргивая полы балахона, наперегонки тщательно распланированному графику. Смерть, если можно так выразиться, всегда вовремя. Это биологический, природный механизм изумительной точности, не чета тем вычурным поделкам, что выставляют напоказ эти франты, – кивнул он в сторону парней в костюмах. Посчитав свой от-

вет исчерпывающим, он снова уткнулся в книгу, всем своим видом демонстрируя полную отрешённость.

Адской какофонией пробудились сотовые телефоны. Модные попсовые мелодии, звуки старых механических будильников, избитые приколы вроде «Барин, почта пожаловала!» и «Я смс-ка, я пришла», звуки живой природы и просто отчаянное вибрирование слились в inferнальный хор, разом оживив попутчиков. Я осторожно тронул за плечо девушку с разноцветными локонами:

– Прошу прощения, у меня...

– Нет имени в сообщении? – язвительно улыбаясь, проворковала она, – милый мой друг, ни у кого в этом автобусе, ни в одной из полутора десятков смс не указан конкретный человек, в этом-то вся и соль. Я понимаю, ты новенький, и отчаянно жаждешь влиться в новый коллектив, хочется разрядить обстановку и пообщаться с такими интересными людьми, вот только ты выбрал неподходящий момент. Знаешь, жнецы не так уж часто работают в команде. Исключительно по очень крупным... заказам. Смекаешь? Что там будет сегодня – взрыв газопровода, полоумный с пистолетом или рухнувший самолет – жертв будет выше крыши. Только успевай бегать туда-сюда, поскальзываясь в крови, слушая крики раненых и заглядывая в глаза умирающим детям или их родителям, которые по невероятной удаче остались живы. Жнецы собираются вместе только на случай ужасной мясорубки, через которую нас пропустят наравне с теми, кому

суждено сегодня умереть. Так что извини, корпоративный дух у нас хромает.

Говорила она, улыбаясь, кажущимся холодным и безразличным тоном, но в её глазах бился ужас. Зрачки бегали туда-сюда, трепетали как огонёк свечи на ветру, а пальцы, вцепившиеся в алюминиевый корпус плеера, побелели от напряжения. Девочка-Арлекин, внешне невозмутимая и хладнокровная...

– Ваш кофе-раф. Может, я могу предложить вам какой-либо десерт?

– Нет, пожалуй... лучше принесите счёт.

Я медленно провёл пальцем по ободу чашки, разглядывая причудливые пятна корицы на глянцевой кофейной поверхности. Они образовывали странные, пугающие картинки, будоражащие воображение точно тест Роршаха, хаотично видоизменяющийся в тонких струйках пара.

Да, первое время было особенно тяжело. Каждый шорох, каждый солнечный зайчик, загадочный силуэт в темноте, даже в облаках я видел лица людей, которых мы забрали тогда в торговом центре. Мы прибыли туда за несколько минут до взрыва, как раз хватило времени надеть перчатки и заглянуть в счастливые и безмятежные лица тех, кто умрёт через несколько мгновений.

Внезапно здание содрогнулось, посреди холла возник

огромный сполох пламени, разметавший всё живое, как ветер опавшие листья, разнёсший эскалатор, стоящую рядом крохотную лавочку с бижутерией, и рекламные стенды.

Я не обратил внимания, как с душераздирающим скрежетом трясся и ходил ходуном огромный торговый центр, не почувствовал, когда прямо сквозь меня пролетел огромный кусок штендера с нарисованным мультяшным динозавром, зазывающим народ прийти в кино 27 ноября. У меня заложило уши от ужасного грохота, перед глазами всё двоилось, и мелькали световые пятна, а руки тряслись, точно у припадочного.

До сих пор я отчётливо помню только лица людей. Каждое из них. Всё остальное – это страшная мешанина криков, детского плача, запаха гари и обожжённой плоти. Я бродил среди бушующего хаоса, точно машина, от одного тела к другому, стараясь не вглядываться в застывшие гримасы. В каких-то было сложно угадать человеческие черты, кто-то истошно кричал и звал на помощь, тратя последние силы, а чьи-то души я доставал и вовсе из бесформенного куска мяса. В огненном аду, разверзшимся среди бела дня, осталась частичка моей души – иногда мне кажется, что она всё ещё заперта там, она плачет от боли и скулит точно побитое животное.

С поверхности кофе на меня смотрело мёртвое лицо, левая половина его была сожжена до кости, правая скривилась

в безмолвном крике. Я чертыхнулся и ткнул его ложкой – ужасная картина распалась на тающие хлопья и исчезла без следа. Каждый раз эти воспоминания бередают воображение, и день за днём они не тускнеют. Они навсегда поселяются в самых дальних уголках рассудка, чтобы в минуты тоски и душевной слабости напомнить о себе, показать свою ужасную, обезображенную натуру, напомнить мне о былых преступлениях и ошибках, лишить меня сна и покоя.

Новичкам, собравшим первые души, в обязательном порядке выдаётся несколько выходных, чтобы окончательно решить готов ли ты к подобной ноше: уносить жизни забитых в подворотне прохожих; наркоманов, решивших пустить по вене на пару грамм больше обычного; придушенных подушкой нежеланных младенцев; заблёванных пьянчуг, забывших повернуть вентиль газовой плиты, и незадачливых пешеходов, чьи внутренности на долгие метры размотаны по асфальту.

Кто-то все эти дни предаётся беспробудному пьянству, тщась найти забытие в алкоголе, а некоторые ищут утешения у доступных женщин. Есть те, кто замыкается в себе и пытается найти ответы на терзающие их вопросы в своём сознании, и единицы – желающие обрести их в вере. Некоторые собирают всех-всех родных и близких, на что времени раньше не доставало – уж теперь-то они знают цену отмеренным срокам.

На следующий день, проснувшись ещё до рассвета, я дол-

гое время лежал без движения и смотрел в потолок. Там, во сне, весь этот ужас повторялся снова и снова, только вот лица случайных людей менялись на моих друзей и членов семьи, а я кричал и метался меж ними, убеждая их бежать прочь. Другой раз я сам до хруста вдавливал кнопку детонатора, наблюдая за взрывом откуда-то со стороны. Самыми лёгкими при этом оказывались сны, в которых и моё тело разрывало на мелкие куски, купало в волнах пламени, заваливало обломками: так, по крайней мере, после этого взрыва боли не приходилось мириться с ужасной реальностью.

С другой стороны, в самой реальности было ничуть не лучше – и первое время я пытался снова заснуть, ну до того страшные плясали тени по стенам, такие душераздирающие крики ещё звучали в ушах. И я знал, что с каждым днём их будет всё больше и больше. Чёрт знает, почему, но самой удачной идеей казалось сейчас, подобно древнеримским врачевателям, лечить подобное подобным.

Я сбросил одеяло и осторожно освободился из Сашиных объятий. Ночью она отдавалась с отчаянной страстью, будто стараясь прогнать, выдавить из себя терзающие страх и переживания. Помню, как, целуя её, ощущал на щеках солонватый привкус, как она льнула навстречу каждому прикосновению... До самого утра обнимала меня так крепко, точно боялась, что и я могу исчезнуть, раствориться точно ночной морок. Сейчас же она едва слышно посапывала, на губах её играла лёгкая улыбка, а разноцветные локоны разметались

по всей подушке.

На её левой лодыжке, выскользнувшей из-под одеяла, было вытатуировано замутнённое зеркало, покрытое причудливой сетью трещин. В верхней части зеркала виднелся чей-то силуэт, барабнящий в холодную гладь откуда-то изнутри, с той стороны. По пути домой Саша, прижавшись к моему плечу, рассказывала, что в каждой татуировке для неё крылся особенный смысл. Например, набитые вокруг пупка часы, где вместо цифр были человеческие кости, а вместо стрелок – две зазубренные косы, показывающие 17:24 – точное время, когда в их машину с родителями врезался потерявший управление на заснеженной трассе грузовик. Погибли мама, папа, младший брат и даже старый джек-рассел терьер, которого Саше подарили на четырнадцатилетие. А вот о том, что значило это зеркало, я от неё так и не добился ни словечка.

Я собрал разбросанную одежду, тщательно и недоверчиво осмотрел её на предмет пятен крови и грязи, прощупал каждый клочок дважды, и всё равно решил бросить её в стирку. Снова нахлынуло то пакостное ощущение, словно выпачкан с ног до головы. Я быстрым шагом добрался до ванной, повернул вентиль с холодной водой до упора и сунул голову под ледяной поток, потом выскочил, отряхиваясь и фыркая, и долго, до ломоты в зубах пил воду из-под крана, зачерпывая горстями. Совладав с приступом паники, я оделся и, стараясь не шуметь, принялся искать телефон и ключи. И не сказать, что я топал словно какой-то слонопотам, но из кро-

вати донёлся сонный голос:

– И куда это ты собрался? Ещё только... который час?

– Восемь утра, среда, самое подходящее время чтобы немного поработать, совершить небольшой моцион за душой-другой.

– Забей! Нам положено ещё несколько выходных. Если уж хочешь совершить моцион – пройдишь до кухни, раскупорь бутылочку вина или на худой конец замути кофе в постель! Выходить на работу – это совершеннейшее безумие и самая большая глупость, которую ты можешь совершить. С тех пор, как решил связаться со мной.

– Ты – моя первая удачная глупость, – усмехнулся я.

– Тогда лезь к этой глупости в кровать и не думай о работе! – она уселась на кровати, закутавшись в одеяло, – Это не та профессия, где в цене трудоголики. Эта работа убивает тебя, медленно вытравливает из тебя всё светлое, высасывает тебя, точно прицепившаяся пиявка, не знающая меры.

– Саша, я уже успел поработать в разных местах. Поверь мне, многие из них были намного хуже, и они пили меня до суха, оставив в конце концов безжизненную оболочку. Знаешь, почему я иногда курю? Не из-за какого-то надуманного тонкого аромата табака, не из-за пресловутого чувства расслабления и успокоения нервов. Самое лучшее, что есть в курении – когда ты, выбросив окурок или выбив пепел из трубки, вдыхаешь самый обычный, но такой сладкий и чистый воздух, лишённый обманчиво ароматного ядовитого

дыма, и не можешь надышаться тем самым кислородом, которого и не замечал несколько минут назад.

Поэтому я пришёл сюда. Сегодня ночью я впервые за долгое время почувствовал себя невероятно живым.

– Ты сказочник, – печально улыбнулась арлекин, – ты красиво говоришь и заворачиваешь каждое слово в яркую обёртку. Просто следи, чтобы это не стало для тебя лёгким источником острых ощущений. Человек привыкает даже к самому жуткому, оно становится обыденностью, рутинной, и он несётся по наклонной в поисках новых ощущений.

Иди, если это так важно для тебя. Только возвращайся быстрее.

Оглядываясь назад...

Знаете, ни один из здравомыслящих людей не назвал бы нас не то что идеальной, а просто хорошей парой. Временами казалось, что у нас совсем мало общего, мы редко показывались на людях вместе, а из-за негласно введённого запрета говорить о работе, складывалось впечатление, будто мы и вовсе не общаемся. И вместе с тем мы были друг для друга самым родным и добрым человеком, последним оплотом и твёрдым плечом в этом безумном мире.

Никто из нас ни разу не произнёс «Я люблю тебя» или ещё каким-то образом выказал свои чувства и привязанности. И, тем не менее, в той, кому я варил лишнюю кружку

кофе по утрам, я нашёл свой кусочек света, который освещал мою дорогу и который стоил того, чтобы встречать новый день. Всю глубину и искренность переживаний Саши я понял, когда увидел на её ключицах, на самом уязвимом и чувствительном месте, новую татуировку – выложенного из кофейных зёрен волка.

Время шло к зиме, и в этом году она выдалась какой-то совершенно отвратительной, с промозглым гадким ветром и полным отсутствием снега. За окнами до самого горизонта раскинулся пейзаж, в высшей степени нагнетающий уныние и депрессию: голые деревья, скривившиеся от холода, жалобно скрипели от завываний вьюги, везде, куда ни упадет взгляд, были лишь бесконечные лужи с брустверами грязи и слякоти а сверху над этим растянулась угрюмая серая хмарь. Мало того – ещё и прибавилось работы.

Саша стала чаще хандрить, по возвращении с работы стала плашмя падать в кровать и беспробудно спать едва ли не до следующей смены. Она всё меньше занималась любимыми делами, как рисование или фотография, а чаще сидела у окна, что-то там выглядывая.

Я пытался её разговорить, как-нибудь приподнять настроение, но с каждым днём она все больше замыкалась. Была идея увезти её куда-нибудь подальше, туда, где солнце, где нет этой выматывающей работы, развеяться, переждать эту полосу безысходности. А Саша отнекивалась и говорила, что от нашей работы невозможно убежать. От смерти не убе-

жишь, даже если ты с ней на короткой ноге.

В один день она не вернулась. Просто не вернулась домой. Не видели её на работе, не слышали ничего знакомые и друзья. Все вещи остались на своих местах, а вот Саши больше не было. Можно бы описать, что я пережил, как мотался по всем больницам и поликлиникам, как перетрясал все заказы и орал на диспетчеров; рассказать, как долго и беспробудно я пил, пытался забыться в работе, с жадностью хватаясь за любой доступный контракт. Пропал мой кусочек света, погас и оставил меня одного в мрачной и промозглой темноте.

Последний глоток кофе, тот, что обычно хранит весь неразмешанный сахар, остатки сиропа и молочной пены, показался мне отвратительно горьким, точно вместо добротной колумбийской арабики мне подсунули какую-то невообразимую погань вроде той, чем потчуют в привокзальных кафешках. И толпа народу вокруг стала невыносимо громкой, а вполне себе приятная музыка начала резать слух. Ну а на воркующие за отдельными столиками парочки и вовсе было тошно посмотреть. В груди точно заворочался крупный, ошетилившийся дикобраз, и настроение разом стало настолько гадким, что захотелось позвонить в офис и наорать на операторов, неспособных найти мне новый заказ.

Бросив деньги на стойку, я направился к выходу, лавируя между столиками и снующими туда-сюда официантами. Хлопнув дверьми, я достал из кармана измятую пачку сига-

рет, самых дешёвых и омерзительных на вкус, подобные тем, что смолят завзятые пропойцы и завсегдатаи пивнушек. Такой гадкий, противный табак станет курить не каждый дворник или привычный к самосаду сиделец. Мне всегда хватало затяжки-другой, а за ними следовала отчаянная ругань, перемежаемая плевками и кашлем. Зажав сигарету в уголке рта, я пару раз чиркнул спичкой и попытался прикурить, но порыв ветра задул огонь. Ни вторая, ни третья попытки также результатов не принесли.

Вздохнув, я разломал сигарету и бросил в тоскующую под дождём проржавевшую урну. За ней же отправились и пустой спичечный коробок, а мгновением позже – и вся пачка с предостерегающей надписью «Курение убивает».

Телефон всё молчал: ни тебе новых заказов, ни очередных сводок из соцсетей. Пару минут я так и простоял, гипнотизируя экран, словно это могло как-то помочь. Отчаявшись, я по памяти набрал рабочий номер и нажал кнопку вызова. После долгого ожидания под заунывную мелодию, кажется, единой для всех организаций, горячих линий и абонентских отделов, на другом конце «провода» все-таки отозвались:

– Дежурный диспетчер Татьяна, слушаю вас.

– Привет, Тань. Я сейчас неподалёку от центра. Проверь документы, для меня точно нет ни одного заказа?

– Хотела отписать тебе, несколько имён отдали новичкам, там мелочь. Пара естественных смертей, одна пьяная драка, ещё с больниц собрать... Тебя могу отпустить на остаток ве-

чера.

– Не хочу домой. Найди мне что-нибудь. Любой случай, хоть за чертой города, пусть даже совершенно дрянное дело. Очень нужно.

– Минутку... Есть один, но на другом конце города. Через четыре минуты надо быть там. В заявке стоит несчастный случай. Возьмёшь?

– Возьму, конечно! Ты просто золото. Какой адрес?

– Улица Рокоссовского, 30А, квартира 4. Ермолаев Виктор. Ориентировочное время – шесть часов, двадцать семь минут. До связи. Я пока попробую подыскать для тебя ещё что-нибудь.

Возможно, Волгоград не был самым большим городом на земле, но вдоль реки (угадайте, какой) он был растянут порядочно, примерно на две Москвы длиной. Чтобы добраться до человека, душу которого необходимо забрать на другом конце города и уложиться при этом три минуты, понадобится настоящее чудо... Ну, или служебная «логистическая» сеть, пользоваться которой я не любил до чёртиков.

Отойдя подальше с освещённой улицы и убедившись в отсутствии случайных свидетелей, я натянул перчатки. Это в мифах и сказках Смерть ходит с косой, а на деле же мы белоручки и чистоплюи, делаем неблагодарную работу, не пачкая рук.

Сердце заколотилось, точно усердный дятел, в глазах помутнело, а улица вокруг ожила множеством голосов, рёвом

далеких машин и громовым шумом ливня, распавшегося на обособленные капли. Некоторое время мне понадобилось, чтобы прийти в себя от внезапно обрушившегося на меня каскада звуков и перевести дыхание.

Итак, мне нужна тень. Мои коллеги обычно не столь придирчивы в данном вопросе, а вот у меня и здесь свои тараканы. Иной раз посмотришь – и всё в ней хорошо, чёткие очертания, достаточно глубокий цвет... А ступишь в неё – выбросит за сотню метров от нужного места, по дороге трясёт, точно в плохо закреплённом жёлобе в аквапарке, брякнешься оземь, точно побитая собака, да ещё провоняешь какой-нибудь тухлятиной. Повезёт, если не застрянешь на несколько минут, а это уж и совсем nepозволительная роскошь.

Что здесь у нас... Фонарный столб, погнутый у самого основания; раскидистый клён, до обрезки которого никак не доберутся городские службы; старая кованая скамейка...

Я опустилсЯ на корточки, чтобы рассмотреть её поближе. Осторожно, едва касаясь кончиками пальцев, провёл по поверхности тени. Перчатка завибрировала, кажется, даже довольно заурчала, потянулась ближе, как будто притягиваемая магнитом необычайной силы. Сойдёт. Не бизнес-класс, но...

Ощущения, которые испытываешь, переходя по теньям, вообще мало кому знакомы. Выражаясь образно, меня огрели диванной подушкой, набитой щебнем вперемешку с пухом, прокрутили в центрифуге, перетащили за тридевять зе-

мель, волоча за ноги и собирая моей больной головой все кочки и бордюры, а после дали понюхать нашатыря, насильно приводя в чувство.

В народе любят шутить, что затянувшийся ремонт убивает нервные клетки и ведёт к скоропостижной смерти. Товарищ Ермолаев сегодня подтвердит эту гипотезу. В квартирке его – самый разгар отделочных работ: небрежно ободранные стены; местами можно прочесть заголовки на пожелтевших газетах, что когда-то были наклеены как основа под обои. Слева стоит покосившийся платяной шкаф, впритирку к трюмо, укрытому полинялой простыней с множеством дыр. По полу разбросан старый и грязный инструмент: шпателя, покрытые застывшим цементом, молоток с отломанной ручкой, ржавая ножовка и россыпь сгоревших свёрл. В углу с хрипом надрывается старый ламповый телевизор «Чайка» с трещиной в углу кинескопа, словно в него запулили пустой бутылкой. Напротив телевизора – подранное, продавленное кресло непонятной расцветки, а рядом – журнальный столик, на котором стоит пустой гранёный стакан и миска с холодными, слипшимися пельменями. Владелец квартиры, балансируя на кривом табурете, флегматично ковыряет стену дешёвой китайской дрелью, что с визгом и рокотом тщетно пытается продраться сквозь бетон. Вот и весь пейзаж, если можно так выразиться.

– Мужик! Мужики-и-ик! – попытался докричаться до него я, – ну взял бы перфоратор, не мучился бы сам, и не мучил

соседей! ЭЙ! СЛЫШИШЬ МЕНЯ? Тьфу, дурак. Нашёл ещё на что вскарабкаться – с такой опоры и сверзиться недолго.

С этими словами я вышиб из-под ног у горе-мастера табурет. Мужик, издав ёмкое непечатное словцо, кулем рухнул вниз, по пути приложившись затылком о литой подоконник. Надо сказать, черепом его наградили крепким – бетон пошёл трещинами, но голове пришлось куда хуже. Пока под телом медленно, но верно образовывалась лужа вязкой, тёмно-красной крови, я убавил громкость телевизора – а то натурально не было мочи это терпеть.

Души что-то не было видно. Виктор Ермолаев был сто-процентно, окончательно, бесповоротно мёртв, но душа почему-то так и не показывалась. Что же, и с таким доводилось иметь дело. Повернув труп набок, я открыл ему рот пошире и с размаху ударил растопыренной пятернёй по грудной клетке – раздался глухой звук, точно лупят по пустой деревянной бочке. Из распахнутого рта мелкими хлопьями, вяло, прижимаясь к земле, повалил белесый дым болезненно-зелёного оттенка. Потёк словно гнильё из лопнувшей дыни, что залежалась в погребке. Вот же зараза. Сколько я насмотрелся таких душ. Еле соберёшь их – расползаются на мелкие клочки, тяжёлые, прикипевшие к брэнной оболочке, не стремятся вверх, а всё катаются по земле, которую не желают покинуть.

Потратив добрые пятнадцать минут на сбор всех ошмётков этой жалкой душонки, я ужаснулся, насколько рутинной

стала моя работа. Жизни столько людей уже я унёс, что они начали сливаться, смешиваться в одну назойливую и вместе с тем привычную круговерть. Как правило, это была естественная смерть – ну вы знаете, не проснулся утром – оказалось, сердце встало или давление скакануло, кровоизлияние, не обнаруженная вовремя опухоль или просто время пришло. Изредка доводилось забирать самоубийц – и тогда, если вдруг ты явился пораньше, приходилось участвовать в вялой дискуссии о смысле жизни и необходимости с нею расстаться, наблюдать, как человек неумело намылывает веревку, пытается уместить во рту дуло пистолета или наполняет ванну и водит по венам затупленным ножом. Иной раз хочется уже помочь несчастному советом, а то и делом...

Случалось и проводить рейды по больницам – выдирать душу прямо из-под скальпеля хирурга, а то и бродить по палатам со списком, забирая ослабевших пациентов или отключенных от аппарата коматозников. Мало того, что атмосфера удручающая, что действительно страшно – когда на тебя начинают обращать внимание прочие люди. Значит, им тоже недолго осталось – от силы пара дней, а то и часов. И ты понимаешь, что эти плачущие родственники, эти принесённые заботливой роднёй фрукты и цветы...

Вообще, Смерть иногда видит не только её жертва. Разумеется, это чувствительные животные, вроде кошек и собак, люди «на грани» и даже личности в состоянии тяжёлого алкогольного опьянения. Что само по себе напрашивает-

ся на вывод – алкоголь действительно приближает вас к черте. Однажды пришлось забирать душу мужика, который отбросил коньки в процессе обмывки нового авто. Так остальные, принявшие на грудь поистине умопомрачительные количества алкоголя, кинулись на меня с кулаками. Мне-то они ничего сделать не смогли, но друг другу... Надо ли расписывать начавшуюся потасовку?

Вот уж куда мне редко выпадало являться – так на пьяные поножовщины и фатальные мордобои. Хотя, по правде сказать, и там не было чего-то особенного.

Я тяжело вздохнул, медленно стянул перчатки и уселся в старое, подранное кресло. С ленцой нацепил на вилку подсохший пельмень, поднёс поближе, поворачивая под разными углами, пристально посмотрел на него несколько мгновений и, почти не жуя, проглотил. Как-то неожиданно наступил тот момент, когда я совершенно перестал ощущать вкус пищи. Я питался всяческими полуфабрикатами, пользовался сервисами по доставке еды, а временами вовсе забывал поесть, вместо того выпив перед сном бутылку-другую пива.

Когда мой дом, моя крепость внезапно превратилась в жалкую ночлежку, годную разве что на то, чтобы хранить под замком мой нехитрый скарб и служить кратковременным пристанищем на время короткого и беспокойного сна? По правде сказать, и спал я в последнее время чрезвычайно мало, выматывая себя до того, что стоило занять горизонтальное положение, как сон набрасывался на уставший

организм, точно изголодавшиеся гиены на падаль. Я не высыпался, и большую часть дня ходил, больше похожий на смертную тень, чем на живое существо. Но это была умеренная плата за отсутствие сновидений, терзающих почище самого страшного недосыпа. Снилось мне многое: от психоделических трипов – до совершеннейших кошмаров, от которых просыпаются с криком, объединяло эти сны только гнетущие чувства поутру, и неважно, припоминало ли подсознание давние грехи и ошибки или же показывало лучшую жизнь, которая, подобно песку, утекла сквозь пальцы.

Я откинул голову, немного поёрзал, пытаюсь устроиться поудобнее на этом прокрустовом ложе, продавленном, жёстком и скрипящем при каждом моём движении. По телу начало разливаться такое приятное, умиротворяющее тепло, я невольно расслабился и прикрыл глаза, пообещав, что это всего лишь на пару минуточек. Настойчивое жужжание телефона разбудило меня как раз в момент погружения в вязкую дремоту, где, балансируя на грани сна, точно канатоходец под куполом цирка, начинаешь утрачивать связь с реальностью. Тут-то в голове и всплыло, что я так и не позвонил диспетчерам, не выпросил новое имя. Встрепенулся, усилием воли отогнал остатки сонливой расслабленности и открыл новое сообщение.

«19:34. Светлана и Евгения Юдины. Перекрёсток Рокоссовского и Ковалёвой. ДТП»

Итого в запасе у меня пятнадцать минут. До обозначен-

ного места и рукой подать, но перчатки придётся надеть заранее. И пусть наутро я прокляну всё, буду мучиться мигренью и желать скорейшей смерти, съем пачку разнокалиберных таблеток и выпью несколько литров жидкости, попытаюсь как-то умастить выжженную пустыню в глотке. Последнее время эти последствия стали ощущаться куда сильнее, что заставило меня переосмыслить предостережения Саши, что эта работа выпивает досуха...

Дождь тем временем стих. Вечернюю тишину нарушало лишь тихое журчание потоков дождевой воды, десятками ручейков, бороздящих асфальт. Где-то вдалеке шумели одиночные автомобили, понемногу на улицы выбирался осмелевший народ. Яркий свет десятков фонарей, тысячей огоньков играющий на поверхности воды, слепил меня, и с каждой минутой усиливалась ломота в висках. Голоса же и перешёптывания всё нарастали, они оттесняли мои мысли и разносились эхом в голове. Громче всех раздавался визг тормозов и детский пронзительный крик, плач и противный хруст костей. Я изо всех сил гнал прочь нехорошее предчувствие, вот только безрезультатно. Отчаянно хотелось единым махом сдёрнуть перчатки, хватить их о землю и уйти прочь.

Из ближайшего двора на перекрёсток вышли двое: женщина в пальто горчичного цвета и держащая её за руку девочка с соломенными волосами, лет десяти. Девочка несла объёмистую сумку, видимо, возвращаются от репетитора или какого-то кружка или секции.

– Мама, знаешь, у меня сегодня не очень выходит рисовать, краски почему-то смазываются и кажутся какими-то мрачными. Даже Марина Николаевна сделала замечание, говорит, я сильно пачкаю и чересчур много чёрного.

– Не волнуйся, дочка, у тебя очень хорошо получается. Мне вот всегда нравится, как ты рисуешь. Просто нужно больше практики, и у тебя всё получится!

– Обещаешь?

– Конечно! Хочешь, зайдём, купим большой торт-мороженое?

Я слышал рёв огромного джипа, несущегося на огромной скорости, задолго до того, как его заметили мама с дочкой. Они были на середине пешеходного перехода, когда чёрный лексус, даже не пытаясь свернуть в сторону, смял их, отбросил словно тряпичные куклы, с глухим звуком удара и отвратительным скрежетом ломающихся костей. В последний момент мать попыталась заслонить девочку, хоть как-то смягчить страшный удар. Но этого было недостаточно.

Из Лексуса, покачиваясь, точно рыболовная шхуна в ураган, вылез пузатый мужичонка в помятом костюме с галстуком набекрень. Увидев содеянное, он охнул, и посеменил осматривать бампер машины, сопровождая этот процесс разнообразной нецензурой, достойной портового работника. Удостоверившись, что его драгоценная машина не понесла особого вреда, он довольно рыгнул и поспешил обратно за руль. Кое-как развернувшись на прилегающем газончике, он

дал по газам в надежде как можно скорее покинуть место преступления.

На негнущихся ногах я подошел к телам. Женщине, пытавшейся прикрыть собой ребёнка, досталось сильнее – она лежала ничком, шея была вывернута под неестественным углом, обломки костей торчали сквозь порванную одежду. На ней не было живого места, просто какой-то бесформенный мешок мяса и костей, вышвырнутый на обочину. Крови на стекло просто невероятное количество – и тем страшнее выглядела искалеченная девочка, пытающаяся подползти к матери через разделяющую их кровавую лужу.

Я видел много страшных, нет, даже ужасных вещей. Я видел зверские убийства, нечеловеческие акты жестокости, мне встречались те, кого совершенно нельзя называть человеком. Часто я сталкивался с такой жуткой смертью, про которую никому и никогда не решился бы рассказывать. Ни один человек в мире, ни один самый блистательный рассказчик не сможет рассказать о смерти столько, сколько навиделся я. Но это было сверх всякой меры.

Маленькая, окровавленная девочка, обламывая ногти и стёсывая кожу, ползла к погибшей матери, бессильно плача и жалобно повторяя:

– Мамочка... мамочка! Мне холодно, мама... посмотри на меня. Посмотри на меня! Открой глаза!

У неё нет половины лица – содрана асфальтом, соломенные волосы слиплись от крови в обвисшие сосульки, ноги

сломаны в нескольких местах, но боли она уже не чувствует. Она рыдает на груди матери, содрогаясь, плачет, как побитый зверёк, пока жизнь медленно покидает её искалеченное тельце. Она всё ещё отказывается поверить в смерть, но та уже распростёрла над ней свои объятия. Я уже рядом.

Мне, наверное, стоило сказать – «я потерял голову» или «я не отдавал себе отчёт» или даже «кровавая пелена внезапно застлала мои глаза, от бессильной ярости перехватило дыхание, и когда самообладание вдруг вернулось – было уже слишком поздно».

Чушь. Я был совершенно уверен и последователен в своих действиях. Эта мразь умрёт этим вечером. Я найду его, достану из-под земли, вытащу из любой норы, в которую заберётся эта ползучая тварь. Но сначала – собрать души.

Они покинули тела одновременно, словно бы мать терпеливо дожидалась своего дитя, намереваясь оберегать его даже после смерти. Одна – плотный, трепещущий сгусток с синими прожилками, а другая – сполох чистого света, скачущий туда-сюда, безостановочно меняющий форму, точно переливающееся в небе облачко – обе заняли место в сумке рядом с другими душами.

Понемногу начали стягиваться зеваки, кто молча, кто едва перешёптываясь, кто с громкими причитаниями и рыданием, некоторые, вовсе без царя в голове, снимали происшествие на телефон. Особо выделялся молодцеватый хлыщ, разодетый в брендовые тряпки, тот вовсе вылез в пер-

вые ряды в поисках лучшего ракурса и подобрался максимально близко, чтобы не запачкать в крови дорожные белоснежные кроссовки. Я подошел к нему и сжал в руке его айфон – тот взорвался горстью разноцветных искр и занялся синим пламенем. Парень от испуга выронил телефон, который от удара о тротуар разлетелся на множество кусков. Я же, не теряя времени, нашёл подходящую тень, отбрасываемую тетенькой в возрасте, единственной из толпы догадавшейся вызвать полицию.

Пара мгновений дробящей внутренности тряски, словно ты по дурости угнездился в гигантскую стиральную машину, занятую отмытием гравия – и я сижу на переднем сидении Лексуса, по правую руку пузатого мужика с одутловатым, покрасневшим от выпивки лицом. В салоне неистово свирепствовала стереосистема, выдавая что-то вроде «Когда из зоны вышел, то сразу снова сел. Когда опять я вышел, то снова загремел». Стрелка спидометра показывала какую-то запредельную цифру, но машина шла ровно даже по мокрой дороге.

На какую-то долю секунды мне показалось, что иконки на приборной панели (те самые, что призваны охранять лучше ремней и подушек безопасности), смотрят на меня как-то совсем укоризненно, но меня это не остановило.

Я схватил мужика за волосы и, что есть силы, приложил лицом о баранку. С гадким хрустом, перебиваемым отвратительной музыкой, сломались кости, кровь хлынула во-

допадом, мужик всхрипнул, отчаянно засучил ногами, пытаясь попасть по тормозу – машину, потерявшую управление, юзом понесло к обочине. По аккомпанемент надрывного визга тормозов лексус с грохотом врезался в основание рекламного щита. Передняя часть кузова разом смялась в нелицеприятного вида гармошку, металлическая конструкция застонала, точно живая. С шумным хлопком сработали подушки безопасности, уберегая водителя от перелома грудной клетки. Мужик потерял сознание от резкого удара и тихо сопел без движения, заливая всё кровью.

Ну и ладно. Есть у меня в запасе и другие способы. Я пристегнул водителя ремнём безопасности, затянул его до скрипа, а затем сломал механизм, лишая того возможности освободиться самостоятельно

Я обошёл машину кругом и провел пальцем по замку водительской двери, тот потемнел и разом покрылся медно-коричневым налётом. С хрустом повернулся флажок замка, намертво блокируя двери. Теперь топливный бак. Пара движений – и по блестящему черному кузову на землю бежит веселая струйка с острым запахом бензина. Можно бы и дожидаться, пока этот лихой гонщик придёт в себя, в панике будет метаться, пытаясь освободиться из стального гроба. Или можно подогреть интерес...

Машина занялась огнём, точно гора хвороста, будто один большой бенгальский огонь, разогнала ночь, упавшую коршуном на город. На стене ближайшего дома заплясали при-

чудливые тени, а мгновением позже из салона лексуса донёсся жуткий вопль, от которого кровь стыла в жилах. Запертый в огненной клетке человек орал десятками голосов, барабанил по стеклам, вертелся, точно змея, пришпиленная к земле. Удар, удар, ещё один! – лопнуло раскалённое боковое стекло, сжимая окровавленными пальцами осколок, мужик резал заклинивший ремень безопасности.

До меня донёсся ни с чем не сравнимый запах горелой плоти. Это самый отвратительный, самый тошнотворный аромат, который вы только можете унюхать – к горлу подкатил ком, желудок вздрогнул и пугающе заворчал. В густом, чёрном, как сама ночь, дыму неистово верещал горящий человек, отчаянно борющийся за свою жизнь. Сколько же воли, сколько желания порой скрывается в таких мелочных, гадких душонках...

Я стоял и боролся с рвотными позывами, наблюдал, как эта скотина умирает, пожалуй, самой мучительной смертью, какую только можно представить. И, страшно помыслить, я был чертовски горд собой. Этаким народный мститель, поборник, мать её, справедливости...

Крики затихли. Потерял сознания от шока или же наглотался угарного газа, да и отдал концы? Какая тебе разница – дело сделано, ничего не...

С оглушительным звоном лопнули стёкла автомобиля. Что-то чёрное, гуще, чем дым от горящей крыши, рванулось прочь, разбилось на несколько потоков, понеслось в

разные стороны по улице, опрокидывая урны и взметая мусор. Заголосили сигнализации у десятка автомобилей, припаркованных неподалёку, воздух странным образом сгустился, наполнился жутким шёпотом, кряхтением и пугающим смехом. Этот дым разрастался, словно вбирая в себя все краски и звуки окрестностей, потоки его носились туда-сюда, обламывая ветви деревьев, разбивая стёкла и витрины. Заискрилась линия электропередач, фонари взрывались, точно воздушные шары. Начала подрагивать земля, асфальт враз покрылся сетью глубоких трещин.

Всё это светопреставление заняло едва ли несколько секунд, а затем чёрный дым растворился в воздухе и, точно по мановению волшебной палочки, воцарилась гнетущая тишина. Казалось, произошло что-то непоправимое, ужасное, чего нельзя было допустить никакой ценой... И виноват во всём был один я.

В каком-то потерянном, полусознательном состоянии я отвернулся от этого ужасающего зрелища и зашагал прочь, всё быстрее и быстрее, точно стараясь убежать от страшных последствий моего поступка. Хотелось мчаться с такой скоростью, чтобы оставить далеко позади даже память об этом. Грудь точно сдавили мощные, обжигающе холодные тиски, и я ловил воздух судорожными глотками, как задержавшийся на глубине ныряльщик с пустыми баллонами в акваланге. Я даже не пытался найти подходящую тень, просто шёл куда-то в опустившуюся тьму, шаг за шагом удаляясь от малейших

сполохов пламени, людских криков и того страшного, шепчущего, разливающегося по земле...

Мне было плохо. Плохо в самом противном, гадком и незавидном смысле этого слова. Я не мог совладать с руками, найти им место, унять лихорадочную дрожь. И всё хотелось вытереться, стряхнуть и очистить себя от чего-то мерзкого, неприятного, словно меня окунули во что-то грязное, зловонное, отвратительное, а оно прилипло к коже и медленно разъедает её, как вонючая и коптящая ядовитым дымом, лезущим в нос и глаза, кислота... Хоть падай на землю и катайся, яростно трись о каменную мостовую, тщетно пытайся отчиститься от этой пакости, стёсывая кожу и плоть, в ярких болевых сполохах чувствуя, что ты всё-таки жив, и всё это наяву.

В голове стояла какая-то совершеннейшая сумятица, мысли путались, беспорядочно переползая с места на место. Не какие-то «Что же теперь делать» и «Как всё исправить»? Когда жизнь ставит тебя к стенке и лязгает проржавленным затвором, на ум лезут совершенно неподходящие, лишние в такой ситуации раздумья, вроде «выключил ли я утюг» и «а что будет, если положить в микроволновку мыло» или «как мне было хорошо с человеком, и до чего глупо я всё это просрал». А то и вовсе, мусолишь тот момент, когда ты был по-настоящему счастлив и терзаешь себя мечтой снова вернуться в то место и то время

До офиса я добирался на автопилоте, бездумно, не отда-

вая себе отчёт, при этом чуть не ввязался в драку с компанией подвыпивших подростков, расшумевшихся в полупустом автобусе. Помню, пару раз «стрельнул» сигарету у случайных прохожих – и все неизменно оказывались некурящими/бросившими/«самим бы у кого стрельнуть». Переходя дорогу, я и вовсе чуть не попал под машину – водитель чуть не надорвал клаксон, но я, занятый своими мыслями, как-то не обратил внимания.

Вот и наш региональный офис – памятник конструктивизма тридцатых годов, громадное здание причудливой формы о двадцати пяти этажах, сплошь усеянное балкончиками и сплит-системами, обозначенное выцветшими и сильно пострадавшими от времени буквами, составляющими непонятные слова ГАУ «ЦКОТМ». Язык сломаешь, пока научишься выговаривать это «Государственное автономное учреждение «Центр Контроля за Осуществлением Танатологических Мероприятий».

На входе я запнулся о турникет, начисто позабыв о необходимости предъявить пропуск. С поспешностью, будто за мной гналась стая бешеных собак или, того похуже, свора коммивояжеров/консультантов по торговле на бирже, я принялся рыться в карманах, заглянул даже в сумку, где я отродясь не носил ничего кроме рабочего инвентаря, переворачивал содержимое...

Из-за дверей КПП, закрытого тонированным стеклом, выглянул охранник Серёга – добрейшей души человек и укра-

шение любой компании, уникальная кладёшь анекдотов, начиная со времён Царской России и до самых свежих шуточек и приколов.

– Забей, проходи так! Ты сегодня отмечался у меня уже... Эх, чтоб меня... Я бы сказал, что на тебе лица нет или, знаешь, как будто катком проехали туда-сюда.

– Спасибо большое, буду иметь в виду – огрызнулся я, направляясь к диспетчерам – нужно было отметить в таблице, заявить время, когда закончил смену. Затем сдать перчатки в хранилище, расписаться в инвентарных журналах, души передать в другой кабинет, на каждую заполнить по несколько документов. После можно завалиться в комнату отдыха, выпить кофе с ребятами, готовящимися выходить в ночную. Если повезёт, можно встретить знакомого и уговорить его завалиться в бар и напиться до беспамьтства, лишь бы не возвращаться домой.

Этим вечером в диспетчерской было только два человека – Татьяна, невысокая русоволосая женщина, обладательница командирского прокуренного голоса, проработавшая в этой организации без малого пятнадцать лет и молодой неприметный стажёр Женя, который мог накосячить даже с смс-рассылкой. Татьяна, активно жестикулируя, что-то пыталась донести до новичка, а тот, придвинувшись к монитору, старательно морщил лоб, изредка поддакивал и задавал уточняющие вопросы.

Стараясь не отвлекать их от работы (или разбора полетов)

я разыскал среди вороха бумаг вахтовый журнал, заполнил все графы напротив своего имени и хотел было уйти, но Женья вдруг подскочил и, точно осенённый, выдал:

– А вы знаете, мне вот минут двадцать назад звонил генеральный, просил Вас сразу же после прибытия зайти к нему в кабинет!

Сейчас у меня внутри должно было ёкнуть, словно со звонким всхлипом порвалась тонкая вольфрамовая нить в отслужившей своё лампочке; в глотке обязан был смёрзнуться ледяной ком, перекрывающий дыхание и обжигающий нутро холодом. На худой конец нужно было чрезвычайно удивиться, охнуть от неожиданности, ошалеть, потерять на мгновение дух. А мне вот было абсолютно всё равно. Новость о том, что меня внезапно вызвали в кабинет генерального директора, которого была просто обязана взволновать меня, огорошить, и вызвать хоть капельку тревожности. Тем более потому, что, как и положено в компании, работающей как безупречный часовой механизм без авралов, дедлайнов, цейтнота и всяческих возможных эксцессов, начальника и не видел-то никто вживую, и кроме резолюций его на сильно важных бумагах, ничто не подтверждало его существования;

Я неопределённо кивнул, пожелал им удачного дежурства и вышел из кабинета. Прямо по коридору, два лестничных пролета вверх, затем через холл, уложенный новенькой плиткой, минуя кабинеты отдела кадров и главного бухгалтера, пройти в северное крыло... Работников в нашей конторе

хоть отбавляй – юридический отдел, IT-отдел, свой парк техники, кабинет психолога, оборудованная столовая, есть даже пресс-служба, чёрт знает, на кой она нам сдалась, а под хранилище документов и вовсе выделен целый этаж, бюрократический аппарат у нас сообразен этому размаху.

Кабинет гендиректора находился на последнем этаже, если можно сказать, пентхаузе и (теоретически) из его окон была видна вся набережная, расцвеченная сотнями огней. Постучав в его двери, я на мгновение усомнился в своей выдержке и уверенности, но отступить было уже некуда. Дождавшись приглушённого «Войдите», я повернул облупившуюся ручку и перешагнул порог кабинета.

Надо сказать, внутреннее убранство производило впечатление. Отделанные деревянными панелями стены, минимум мебели, вместо стены напротив входа – огромные французские окна, открывающие вид на ночной город. Рядом с окнами стояла невысокая тумба со стареньким виниловым проигрывателем, наполняющим кабинет сочными, улаждающими слух, неспешно текущими нотами джаза, настолько полными жизни, что казалось, они витают в воздухе осязаемыми сполохами света. В центре кабинета – массивный стол, на котором, готов поспорить, каждый предмет лежал с выверенным расчетом вплоть до миллиметра. За столом, опёршись на сцепленные руки, сидит мужчина с тёмными всколоченными волосами, заметно тронутыми сединой. Лоб избородила сеть глубоких морщин, веки опухли от долгого недо-

сыпа, а в глазах стального цвета – тревога пополам с усталостью. Лёгкая, растерянная улыбка играет на губах, но уголок рта едва заметно подрагивает – выдаёт нервное напряжение. Андрей Клементьевич Саркисов, Генеральный Директор, главный распорядитель смерти в Южном федеральном округе – собственной персоной.

Я присел напротив, пристроил замызганную грязью сумку на коленях и, начал говорить:

– Давайте только не будем это затягивать. Я совершил страшные вещи, я идиот, и абсолютно не приспособлен для столь ответственной и сложной работы. Вы сейчас немного на меня покричите, скажете, что подобное поведение в высшей степени недопустимо, а затем погоните меня взашей... Потому как не нужен вам в такой серьёзной организации жнец, который убивает людей направо-налево.

– Дело не в том, что ты убил человека, – тихо ответил директор, – Подумаешь, сын крупной шишки, любит покутить и залить за воротник, иным не примечателен. Он, если разобратся – так, пшик, трата генетического материала, сор на обочине жизни. Ну, это если выразаться красиво и с толикой нездорового пафоса. И неважно, что ты сделал это самовольно, без санкций руководства и прочей чепухи. Конечно, одно это тянет на увольнение, но проблема в другом...

– Я не собрал душу.

– Ты не забрал его душу! И как бы я ни распался насчет ценности даже самой дрянной душонки, ты же видел свои-

ми глазами, что с ней стало! Она отравила воздух, отравила почву. Её яд проник на сотни километров вокруг, и сейчас там атмосфера похуже, чем в эпицентре ядерного взрыва. Люди, живущие рядом, начнут страдать болезнями сердца, у многих проявятся неоперабельные опухоли. Их начнут посещать галлюцинации, тёмные и мрачные мысли о самоубийстве, о насилии, им начнут сниться кошмары. В округе будет сбоить техника, перестанут идти часы, автомобили ещё долго будут биться в этом районе. На этом месте взбесится сама природа – его будут обходить стороной животные, птицы покинут свои гнёзда. Думаешь, такое случается в первый раз? Может рвануть газопровод, начаться пожар, или у случайного охранника что-то переклинит в голове – и он пойдёт стрелять всех подряд! Одна загубленная душа обернётся десятками новых жертв, человеческими страданиями и горем. Хуже было бы только, оставь ты кого из сегодняшних людей жить с заведомо мёртвой душой! Знаешь, сколько жнецов думали «Ах, он/она ещё столь юн и неопытен, пусть поживёт подольше»?

– Это, конечно, очень... Как бы так сказать... крайне занимательная информация, но вот чего я не могу взять в толк... Заявки, души, отмеченное время смерти... Зачем? Кто требовал сегодня, чтобы одинокий сорокалетний мужик проломил себе череп, упав с табурета? Кому было важно, чтобы девочку одиннадцати лет вместе с матерью задавил пьяный ублюдок, летевший на красный?

Вместо ответа директор приоткрыл ящик стола, вытащил два запылённых стакана и полупустую бутылку коньяка. Достав из нагрудного кармана платок, он в пару движений протёр стаканы и, наполнив на треть, придвинул один ко мне.

– Представь, что ты пришёл в очень дорогой фешенебельный ресторан, очень популярный в определенных кругах. Симпатичная девушка с ресепшена проводила тебя в зал, усадила за столик, укрытый белоснежной скатертью, налила изысканного французского вина пятидесятилетней выдержки из личных запасов какого-нибудь общественного деятеля и настоятельно порекомендовала отведать, скажем, куриное филе, запечённое в меду и орехах. Ты с радостью соглашаешься, и... Представь, а если бы ты увидел процесс приготовления сего деликатеса с самых первых шагов? По двору беспечно носится курица-пеструшка, квохчет что-то себе, и ищет зёрнышки в невысокой травке. А вот приходит здоровый лысый бугай в мясничком фартуке, заляпанном кровью, желчью и нечистотами, и принимается гонять за этой курицей, нарезая круги по двору. Несчастное пернатое верещит, голосит на все лады и ни в коем случае не торопится распрощаться с жизнью. Но, в конце концов, курицу, грязную, лохматую, перепачканную в грязи и обделавшуюся от ужаса, ловят, волочат на разделочную доску и – ВЖИК! – одним движением отрубают голову. Хотя, как повезёт. Может, хребет перерубить с первого раза не получится – ну, дрогнула рука, с кем не бывает? И птаха вырывается, мечется по

двору, заливая всё кровью и издавая ужасные вопли, пока наконец-то не испустит дух. Потом под струёй воды смывают с неё всю грязь и дерьмо, ошипывают, потрошат, выгребают из её нутра кишки, желудок, сердце и либо бросают эту требуху крутящемуся рядом шелудивому псу, либо промывают и откладывают в сторонку, чтобы затем так же подать их под изысканным соусом Божоле очередному гурману. Тушку расчлениают, филейную часть передают официанту с ближнего зарубежья, который мало того, что работает без визы и санитарной книжки, так ещё и подозрительно часто чихает с самого утра. Может, он, конечно, подлинный магистр кулинарных наук, и готовит сей деликатес по всем правилам, не вытирая нос рукавом и не сдабривая жёсткое мясо вонючим уксусом... Но кушать-то тебе в этом заведении явно перехотелось.

– Убедительно, – кивнул я, разом опрокидывая стакан с ядрёным коньяком, обжёгшим глотку и разлившим томящее чувство тепла по нутру.

– Так вот, пресловутые Небеса, что так красочно описаны в каноничных религиозных текстах и фантазиях огромного круга литераторов и философов... Их нет. Нет ни ангелов, ни херувимов, ни трёх Норн, богинь человеческой судьбы, не существуют и старухи-Грайи, у которых один зуб и один глаз на троих, – добавил Андрей Клементьевич, едва пригубив коньяк.

– Ад пуст, все черти здесь.

– Да, равно как и Небеса, которые представляют собой гаргантюанских размеров корпорацию, со своими менеджерами, бюрократами, логистами, директорами по развитию, CEO... и прочим, прочим...

До того, как стать директором здесь, я работал в совершенно другой инстанции, повыше уровнем. Там, куда отправляют запакованные флаконы с документацией, в обмен на новые заказы. Я слышал, люди воображают, что же всё-таки делают с душами, после того как их соберут? Выливают в огромный бассейн, а потом, точно удобрение, распыляют над городами? Вешают флаконы аистам на шеи, а те разносят их по роддомам? Отпаивают ими существо, называемое Богом, чтобы поддержать его бессмысленное и трагичное существование? Я однажды увидел, что там, инстанцией повыше, делают с душами. И в тот же день уволился, пошёл в жнецы. Поверь мне, куда проще выдирать душу ребёнка из рук у матери, которая также умрёт через несколько часов после родов; чем знать, чем руководствуются там, наверху, составляя графики жизни и смерти. В отличие от остальных работников, я знаю, из чего делают перчатки, прикосновение которых отнимает душу, И, как видишь, из-за этого я тоже плохо сплю по ночам. Но эта контора, промышляющая смертью – маленький скромный кирпичик в фундаменте огромной бойни, перемальвающей человеческие судьбы. И в кулуарах, за занавесом, рулят всей этой мясорубкой не Господь Бог, не Сверхразум, и даже не жидомасоны. А управляют ей

обычные менеджеры в мятых костюмах, загнанные инженеры, поддерживающие старое оборудование, что дышит на ладан, да окончившие бухгалтерские курсы молодые девицы, все они – болтики в гигантской машине-Левиафане.

– Может, все-таки винтики?

– Нет, дружок. Это очень вольная метафора, но, скажем, шуруп может пробуриться куда угодно, он способен закрепить себе место и в дереве, и в металле, и даже в бетонном столбе. Для винтика уже уготовано и обозначено место, там, и только там прорезано для него резьба и паз. А вот болтик неспособен даже удержаться на уготованном месте, и для него вырезают гайку – обузу в виде долгов за квартиру, малолетних братьев и сестёр, за которыми нужен глаз да глаз, неизлечимую болезнь или бесконечную агонию консюмеризма в погоне за новой версией айфона.

– Вы всегда так долго и со вкусом увольняете людей – с коньяком, философскими рассуждениями и обилием метафор? Или же это настолько редкая процедура, что хочется её посмаковать?

– Брось ёрничать. К чему я всё это тебе рассказываю... Видишь ли, подобные моменты я не могу затронуть в беседе с подчинёнными, не могу за бутылочкой пива пожаловаться друзьям, и уж тем более, не могу обсудить с семьей. А так как ты у нас больше не работаешь... Кстати говоря, у нас не действует процедура увольнения, так что придётся тебя того... убить.

– Это очень плохая шутка.

– Куда деваться, иных не держим, – устало вздохнул Андрей Клементьевич, – noblés обліж! Единственное, о чём я обязан предупредить – ты теперь на короткой ноге со смертью. Так что береги себя и не паникуй, если вдруг заметишь чего. Я имею в виду, с бывшими коллегами и плодами их трудов тебе частенько придётся сталкиваться, так что не подавай вида. Будем надеяться, с тобой нас судьба сведёт ещё не скоро, – добавил он и протянул руку для прощального рукопожатия.

Так и закончился мой последний день в качестве посыльного у Смерти.

– Подожди, и на этой фразе ты хочешь закончить роман? – спросила Яна, – мне кажется, это не сильно удачная идея – бац! – и оборвать всё на одной фразе. И потом, что это за концовка такая: «Так и закончился мой последний день в качестве посыльного у Смерти» – скорчив рожицу, передразнила она, – выходит какой-то открытый недофинал, и нету ни вау-эффекта, ни логического завершения истории.

– А объяснить всё авторской задумкой не получится? – улыбнулся я.

– Разве что ты будешь подходить к каждому потенциальному читателю и так же мило улыбаться как сейчас, – ответила девушка, облизывая соломинку из коктейля, – и в лю-

бом случае, над финалом предстоит ещё поработать.

Долгих несколько месяцев, сидя без работы, я думал, чем же заняться дальше. С друзьями, отягчёнными семьями, работой и самыми разными делами, я не виделся, и всё моё времяпрепровождение сводилось к самым разнообразным выдумкам. Так я пришёл к мысли, что пора, наконец, воплотить давнишнюю мечту – и попробовать себя в качестве писателя. История о жнецах, вопросах жизни и смерти и прочих веле-речивых рассуждениях родилась поразительно быстро, прямо-таки выплеснулась на бумагу. Я рискнул выложить её в интернет, где среди множества смешанных отзывов от «круто, давай ещё!» до « ну и ***, лучше бы не читал!» были и советы, как проще и быстрее издать свою книгу.

Перспектива такая меня одновременно и радовала, и вызывала некий мандраж – потому как сам я свое творчество всегда ценил довольно низко, а позориться перед большим количеством народу, чем обычно, не хотелось. Проведя пару дней в бесполезной полемике сам с собой, я решил в кои-то веки выбраться из своего логова и навестить ближайший ирландский паб под названием «MacLaren's». Там я и встретился с Яной, девушкой с роскошными каштановыми волосами и глазами медового цвета. Когда она улыбалась, на её щеках играли милые ямочки, и в глазах мелькали шаловливые огоньки. На неё заглядывался весь бар, а она просто дожидалась запаздывающих подруг, не реагируя на простецкие подкаты, и только по счастливой случайности не отказала мне в

просьбе угостить её коктейлем-другим.

Я пил чистый виски, она медленно тянула через соломинку «Лонг Айленд» и так, слово за слово, мы понемногу делились самой разной информацией. Она немного увлекалась пол-дэнсом, училась на последнем курсе математического факультета и иногда подрабатывала свадебным фотографом. Ну а я... что я? Без малого начинающий писатель – вот, глядишь, скоро опубликую свой роман... Правда, пока не придумал, как его обозвать.

– И когда же ты планируешь напечатать свою книгу? – спросила она, наматывая на палец прядь волос, – Я, конечно, не маститый критик, но у тебя есть несколько ммм... серьёзных таких недочётов. Во-первых, ты как-то обрывисто рассказываешь: про всякие нюансы расписюливаешь на несколько абзацев, а про что-то действительно важное, например, как устроены все эти учреждения, эти «небесные» службы – нетушки, только мельком упоминаешь – и то, всё это сведено к «вы не захотите этого знать». Во-вторых, любовная линия у тебя, откровенно, говоря, хреновата. Вроде как и были у героя отношения, но какие-то несерьёзные, без поступков и сильных переживаний, упомянуто про них как бы вскользь, а затем следует, что отношения эти сильно героя как раз и подкосили, да ещё и оборваны они как-то невнятно, пропала эта твоя Саша с концами. Как-то поживей надо, больше драмы и чувства, соплей, что ли, нагони! Ну и секса побольше, раз уж на то пошло. Ну и, в-третьих, надо

ещё поработать над финалом...

Она продолжала что-то мне доказывать и приводить самые разные аргументы, а я, заскучав, медленно водил пальцем по краю пустого стакана, прислушиваясь к шуму народа, и вполглаза оглядывая зал.

– Знаешь, – прервал я её, – насчёт концовки я с тобой согласен. Кажется, она будет гораздо интереснее. Посмотри вон на тот столик. Нет, нет, левее! Ты ведь тоже видишь девушку с разноцветными волосами? Сидит в самом углу бара, рядом с зелёной дверью пожарного выхода, и смотрит сейчас прямо в нашу сторону!

– Я ещё не настолько пьяна, чтобы видеть призраков или, как ты выражаешься, жнецов, – фыркнула Яна. Впрочем, уж в этом она не была предельно честна – её глаза уже подозрительным образом поблёскивали, – а можно, я закажу ещё один коктейль?

– Конечно, почему нет, – рассеянно пробормотал я, пристально наблюдая, как Саша встаёт из-за столика и направляется ко мне через весь бар. Книжки и фильмы, сказки и разнообразные житейские истории убеждали, что за мгновение до смерти у человека проносится перед глазами вся его жизнь, от младых ногтей – и до последнего вздоха. У кого-то, наоборот, видятся только те моменты, где ты был по-настоящему счастлив. И пока я раскладывал буйные мысли по полочкам, что к чему и как же так получилось, что смерть вдруг подбралась ко мне в лице девушки, которую я любил больше

всего на свете, как она подошла к нашему столику, встала за спиной Яны, облокотилась на спинку кресла и, проведя рукой по её волосам, медленно подула ей в затылок.

– Что-то здесь стало холодать, – поёжилась девушка, приступая к третьему коктейлю, – сквозняки что ли...

– Ты постарел, – произнесла Саша, – как будто тебе накинули несколько лет.

– Я скучал, – тихо ответил я, залпом осушая очередной стакан виски, – По крайней мере, за мной прислали не чужого человека.

– О чём ты? – удивилась она.

– Ты ведь пришла не просто так.

– Я же говорила, я жду подруг, – хихикнула Яна, – но раз их всё нет, может мы с тобой...

Саша поморщилась и щёлкнула её по лбу. Девушка с шумом выдохнула и разом обмякла в кресле. Ничего фатального – полежит некоторое время, поспит и сбросит оковы лёгкого алкогольного опьянения, публика здесь пристойная, девушку никто не обидит.

– Знаешь, почему я вернулась к тебе? – едва слышно спросила Саша, опустив глаза.

Я пожал плечами, не хотелось строить каких-то невероятных предположений.

– Ты не против, если я не буду снимать перчатки? Было бы странно, если я внезапно появлюсь на глазах у стольких людей.

– Нет, в этом ведь нет ничего странного, что я сижу в баре и разговариваю сам с собой. Я вполне похож на городского сумасшедшего. Знаешь, сколько прошло времени? – задал вопрос я.

– Около года.

– Одиннадцать месяцев и шесть дней. Ужасно долгих и мучительных дней. Рассказать, что я пережил за это время?

– Ты вроде неплохо справляешься, – попыталась улыбнуться она

– Неплохо, – скривился я, с тоской разглядывая пустой стакан, – Я словно тень в Лимбе. С того момента как я перестал быть Жнецом... Это трудно описать. Несмотря на то, что я не носил перчаток уже долгое время, я до сих пор могу видеть, как то тут, то там, кто-то касается тени, чтобы забрать чью-то душу. Временами я различаю, сколько отмерено старушке в очереди или случайному прохожему. Слышу тихий, едва различимый присвист, с которым покидает тело душа моего соседа, не сумевшего вколоть себе инсулин. Я вижу Смерть каждый день, хоть и перестал быть частью её кровожадных жёрновов. И всё время я один, совсем один... Дошло до того, что я пытался покончить с собой. Не единожды – я травился таблетками и алкоголем – меня увозили на «скорой» и клещами вытягивали с того света – а пока я лежал в палате, проклиная и санитаров, и мой чертовски выносливый организм – Жнецы забирали остальных людей, временами тревожно посматривая в мою сторону. Я ввязы-

вался в драки – и Смерть всё равно не приходила за мной, сколько бы я ни лежал на холодном асфальте, пытаюсь выхаркать свои лёгкие и не чувствуя отбитого тела. И уже на четвёртый – пятый раз даже самые безбашенные компании стали обходить меня стороной, как сумасшедшего. Я не могу застрелиться – пуля скользнёт по черепу или вовсе застрянет в затворе, не могу броситься под машину – она затормозит в самый последний момент, едва задев меня.

Смерть отняла у меня самое дорогое, а теперь вышвырнула на обочину, отказываясь от меня.

И теперь спустя всё это время – ты наконец вернулась. И я уже не знаю, какой из вариантов был бы мне более приятен – тот, где ты выдираешь остатки моей души, собираешь её во флакон, как и сотни других душ... Или же другой, где мы сидим, неловко пытаемся завязать очень важный разговор, а он всё не клеится, мы делаем растерянные паузы и отводим глаза. А сейчас тебе на телефон пришло очередное имя. Ты вертишь его в руках уже минут пять и не знаешь, как прервать меня.

Саша кивнула:

– Надо бежать. Я вернулась только вчера... Так что это мой испытательный срок. На сегодня осталось только одно имя... И потом я вернусь домой, и мы... мы всё исправим. Дождись меня. Обещаю, я больше никогда от тебя не убегу.

И, прежде чем я успел что-либо сказать, Саша быстро дотронулась до случайной тени и исчезла. Уже в который раз.

Как говорил один всем известный герой по имени Джон, иногда жизнь начинает крутиться так быстро, что даже не ты движешься сквозь неё, а она сама проходит сквозь тебя. Как-то незаметно для себя, как будто все события слились в один неразборчивый комок, в небрежный мазок кисти, я оплатил счёт, сдал дремлющую Яну на руки подругам, в каком-то непонятном расположении духа добрёл до дома и, сбросив куртку в прихожей и не переодеваясь в домашнее, проследовал на кухню. В голове угнездилась какая-то гнетущая сумятица, рождённая последними внезапными событиями и изрядной порцией виски. И единственным действующим лекарством от неё был крепкий кофе, дерущий горло и дающий звонкую затрещину мозгу. На автопилоте смолов такую лошадиную дозу, что могла бы разесть саму турку, я поставил её на огонь и, задумавшись о какой-то чепухе, позабыл следить за процессом – тёмно-коричневая шапка пены, отчаянно шипя, рванула через край, заливая конфорку и покрывая плиту грязными разводами. В отчаянии я схватил турку и попытался убрать её с огня, но, как назло, ручка осталась у меня в руке, а сама турка, подпрыгнув с оскорбительным глухим звуком, расплескала оставшийся кофе, дополняя симфонию хаоса.

Из коридора вышла Саша, на ходу сбрасывая лёгкую кожаную куртку и поправляя растрёпанные волосы.

– На этот раз потребовалось меньше года, – ехидно заметил я.

– Хватит надо мной издеваться, – устало ответила она и села за стол, заняв свою излюбленную позу – левая нога поджата под себя, правая согнута в колене – и на ней, на сцепленных руках уже располагается подбородок. Я пригляделся. На той самой татуировке с зеркалом что-то изменилось – цвета стали ярче, насыщенней, но были и другие изменения.

– Трещин вроде прибавилось, – заметил я.

– Да, последнее время мне пришлось их подновлять, – ответила Саша.

– Может, хоть сейчас расскажешь, с чем это связано? – спросил я, выливая в кружку чудом сохранившийся на пару глотков кофе.

Саша вздохнула и, уставившись в сторону, начала свой рассказ:

– Помнишь, я рассказывала, как мы разбились? Как меня и папу доставили в реанимацию, как он умер на операционном столе, а я долгое время лежала без сознания, и врачи спорили, очнусь я когда-нибудь или нет? Я провела там полтора месяца, прикованная к больничной койке. Мне принесли вещи, которые были при мне – какие-то тряпки, предметы личной гигиены, документы, и старенький планшет... Был сильный удар, машина несколько раз перевернулась, вещи летали по салону туда-сюда... И он разбился, его экран покрыла сеть причудливых трещин. Конечно, он работал, как прежде, а мне большего и не было нужно, но... Каждый день я смотрела на эти трещины... читая книгу, слова которые ис-

кажались, пропадали и прерывались. Разглядывая искажённые, разбитые лица людей, смотря на побитые и разломанные пейзажи на фото...

Потом начались кошмары. В одних я была заперта в комнате, где были огромные окна, сплошь усеянные трещинами – и за этими окнами творились бесчинства и ужасы – люди рушили здания, убивали друг друга, разводили огромные костры... В других кошмарах я с ужасом наблюдала, как мощное, надёжное стекло, уберегающее меня от толщи воды в затонувшем судне, начинает покрываться трещинами. Порой мне снилось, как моё тело разлеталось на осколки, иногда – будто я снова лежу в нашей машине, задыхаюсь от дыма и запаха бензина и пытаюсь выбить стекло – а оно только трескается, и никак не поддаётся...

Самыми страшными были те, где я подходила к зеркалу, а моё отражение вдруг начинало жить своей жизнью и, разбивая в кровь кулаки, пыталось пробиться ко мне.

Я чувствовала, как распадаюсь на части. Словно с каждым новым днём эти трещины ползут по мне наяву, и в один прекрасный день я подойду к зеркалу – и не узнаю себя, лопну, рассыплюсь на множество крохотных осколков.

А потом я встретила тебя. Вот так наивно, глупо, как в сопливых мелодрамах и историях для домохозяек. И я стала спокойно спать по ночам, зная, что ты рядом, и что ты всегда защитишь меня от ночных кошмаров.

– Почему же ты ушла? – задал вопрос я, допивая кофе и

стараясь не всматриваться в тот тёмный силуэт, что проби-
вался с той стороны зеркала. Зная о смысле этой татуировки,
мне вдруг открылся весь ужас, что она внушала.

– Прости меня. Мне... Я не должна была уходить просто
так. Я бы хотела рассказать о том, как меня повысили, и я
должна была расстаться со всеми знакомыми, чтобы быть ни
к чему не привязанной или мне прислали твоё имя, а я отка-
залась выполнять этот контракт... Или о том, как я случай-
но открыла документы из отдела планирований, и я увидела
цепочку событий, что свела нас, и чью-то ошибку, по кото-
рой мы тогда отправились забирать те души с взрыва. Нет.

Я пыталась убежать от себя. Убежать от этой чёртовой ра-
боты, от выматывающей хватки этих проклятых перчаток и
заказов, после которых хочется напиться и никогда о них не
вспоминать. А потом я поняла, что, как ни беги, а часть меня
осталась здесь.

Я присел рядом, неловко обнял её и притянул к себе. Саша
положила голову мне на плечо и затихла.

– Что же мы теперь будем делать?

– То же, что и раньше. Я буду собирать души, ежедневно
видеть умирающих людей, наблюдать их жестокость и без-
различие... а потом приходиться домой и подолгу молчать, по-
гружённая в какие-то жуткие мысли. А ты станешь рассказы-
вать всякие истории о небывалых чудесах и волшебных ми-
рах, которые можешь придумать только ты... Подобно тем
сказкам, что ты сочинял для меня, убаюкивая каждую ночь.

– Без тебя мои истории стали только мрачнее. Но у меня найдётся, что тебе рассказать.

Luminous

Точная скорость света – 299 792 458 метров в секунду, но в книгах и учебниках её часто округляют до 300 тысяч километров. Вполне обоснованно – мало кто запомнит и такую цифру, ведь столько есть паролей к социальным сетям, которые надо хранить в памяти! Ничто во Вселенной кроме света не способно двигаться быстрее, даже при помощи бородатых дядей с профессорскими степенями и большого адронного коллайдера.

Помнится, давным-давно, в беззаботном детстве, когда деревья казались выше, конфеты вкуснее, а подзатыльники, выписываемые жизнью – куда мягче, я задержался на улице допоздна, ровно до того времени, как на небосводе зажглись мириады звёзд. Будучи маленьким мальчиком с безудержной тягой к знаниям, я пытался ухватить всю суть небесного узора, замысел могучего Творца, что не просто щедрой жеманью рассыпал сверкающие огни по простору небесной вуали, а с особым тщанием определил для каждой из них своё место, породив при этом почву для споров и открытий. Ведь не думаете вы, что бородатые дяди с профессорскими сте... Ах, простите! – в ту пору ещё не было профессорских степеней! И мудрые старцы в остроконечных колпаках вряд ли пришли к консенсусу в ту же минуту, стоило одному из них

произнести – «а давайте-ка назовём мммм... вот эти тридцать звёзд «Canes Venaciti», или «Гончими Псами»?»

Не дождавшись меня к ужину, отец вышел на улицу и обнаружил меня запрокинувшим голову вверх и разглядывающим звёзды. И стоило поинтересоваться «Папа, ведь у всех эти звёзд есть свои имена? Как же их различают?», как мне были распахнуты двери в новый мир. Знакомые всем (порой, единственные знакомые) Большая и Малая Медведицы, скромный Южный крест, изогнутый и поначалу неразборчивый мой зодиакальный Стрелец, огромный Пегас и Живописец, состоящий из пары штрихов.

– Все эти звёзды – это бесконечно далёкие от нас светила, сынок. Как наше Солнце, они питают теплом и светом сотни других планет. Даже не сотни, а тысячи и миллионы. Каждая крохотная звёздочка, что горит сейчас – огромный огненный шар, но они расположены настолько далеко, что даже свет, самое быстрое, что есть во Вселенной, летит до нас целых триста тысяч лет. И завтра, когда ты проснёшься, то увидишь лучи солнца, что отправились в далёкое путешествие тысячелетия назад, чтобы осветить землю, дать нам тепло, подарить возможность жить и радоваться новому дню.

– Триста тысяч лет назад? А что, если солнце перестанет светить?

– Знаешь, ученые предполагали это. Солнце ведь тоже не вечно. Оно почти полностью состоит из газа, который горит чудовищной силы пожаром, и таким образом выделяет ко-

лоссальное количество энергии. Но однажды наше солнце исчерпает себя и погаснет. И тогда жизнь на планете перестанет существовать, потому что весь мир накроет кромешная тьма. Мы, конечно, зажжём миллионы фонарей, чтобы развеять бездушную темноту, но вдобавок станет ужасно холодно! Настолько холодно, что погибнет большая часть растений, а без них...

– Но ведь могло случиться так, что Солнце погасло двести девяносто девять тысяч и девятьсот девяносто девять дней назад? И завтра мы его больше не увидим? И мир станет тёмным и холодным? Что же нам тогда делать, папа?

– Брось, сынок. Ученые рассчитали, что нашего солнца хватит ещё как минимум на пять миллиардов лет. А значит можно не беспокоиться – на наш век его точно хватит!

Верно, папа. Ты доверял науке и сухим, внушительным цифрам, однако в голове девятилетнего мальчика зародилось сомнение. Вдруг сегодняшней день – последний? Разве не стоит тогда прожить его так, чтобы было не страшно и не обидно назавтра погрузиться в кромешную тьму? Подобно тем статусам, что гордо публикуют интернет-завсегдатаи – «живи так, словно это твой последний день». Только я подумал об этом еще пятнадцать лет назад.

– Есть у тебя одна забавная черта! Когда ты думаешь о чем-то охренительно важном, то начинаешь говорить сам с собой. Выглядишь ты, конечно, нелепо, но переругиваешься

но и немного забавно!

Я укоризненно посмотрел на стоящую в дверях девушку. Эта кудрявая брюнетка была частым гостем моей квартиры, и, пожалуй, единственной, кто приходил сюда не проверить тягу в дымоходе или доставить почтовое извещение. Самая эффектная и желанная студентка последнего курса, неприступная и холодная как лёд на вершине горных пиков, сейчас она выглядела такой беззащитной и по-домашнему красивой, будучи закутанной в одну только тонкую простыню.

– Готов поспорить, что, случись тебе о чём-то задуматься, это будет выглядеть ещё более нелепо. К сожалению, ты либо не хочешь таковой выглядеть, либо предрасположенность к нелепости у тебя отсутствует на генном уровне, – вяло огрызнулся я.

– Поглядите, наш умняш показывает зубки, – рассмеялась Алёна, – Вместо научных изысканий, которые выдёргивают тебя из постели ранним утром, вместо систематического обсасывания гранита науки, я дышу полной грудью и чувствую вкус жизни! Ты тоже можешь давать себе отдых и хоть иногда веселиться, но только и делаешь, что сидишь и корпишь над своими вычислениями и оптическими иллюзиями круглые сутки. Десятки лабораторий по всему миру, собравшие под своим крылом лучших учёных, имея лучшее оборудование, какое только можно пожелать, получая гигантские бюджеты... Все они отступились. Но ты, с чего ты взял, что получится именно у тебя?

Я с отсутствующим выражением лица пытался заточить карандаш до толщины осинового жала, когда он оставляет на бумаге еле заметную, «волосяную» тончайшую линию и невпопад буркнул:

– У меня есть то, чего нет у них.

– Поздравляю! Скромный аспирант государственного университета делает невероятные открытия только потому, что ему изредка перепадает! Сенсация! Я иногда задаюсь вопросом, почему я вообще с тобой сплю?

– А на этот вопрос у меня есть вполне разумное и до ужаса прозаичное объяснение. Спишь со мной ты исключительно потому, что это единственное, что поможет тебе окончить университет с красным дипломом, чтобы твой отец (в связи с его пунктиком насчёт технического образования) мог тобой гордиться. А без его отцовской любви и спонсорской поддержки не будет и кредитной карточки, по которой ты оплачиваешь бесчисленные наряды, меняешь мобильные телефоны стоимостью превышающие зарплату профессора и регулярно нежишься на лучших курортах всего мира. На нашу стипендию ведь не позволишь ни комплект сумочек на разные дни недели, ни тусовок в ночных клубах, ну а тем более новый Ауди, который ты уже вторую неделю ленишься отогнать на мойку.

Алёна фыркнула и, разом сбросив простыню, принялась одеваться, даже не смотря в мою сторону. Вообще, в том, как она одевалась, был свой элемент небольшого приватно-

го представления, обращённого к невольному зрителю, представления, наполненного соблазном, смешивающим наивную простоту и бушующую страсть, и немного похожего на чувственный испанский танец. Можно сказать, это и был её личный, особенный танец, где в каждом её движении скользила та непревзойдённая притягательность, приковывающая всё моё внимание похлеще любого гипноза, заставляя жадно ловить взглядом каждое плавное движение и с накатывающей гложущей тоской осознавать, что ещё пара подобных волшебных мгновений – и эта девушка покинет твой дом и, возможно, никогда больше сюда не вернётся.

Но сейчас всё было иначе – и в резких, отрывистых движениях скрывались другие эмоции – даже я, будучи совсем не выдающимся специалистом в женской психологии, понял, что сильно задел девушку. Каким-то сверхъестественным чутьём я понял, что сболтнул что-то лишнее, и впопыхах решил перевести разговор в другое русло:

– Так вот. Наше отличие с этими псевдонаучными деятелями как раз в том, что они заперты в системе, придуманной много лет назад. Они оперлись на костыли-постулаты, которые много лет способствовали развитию, культивации научных идей, но теперь ограничивают движение, более того – просто мешают им сдвинуться с места! С ними так удобно и легко – всё уже изучено, всё доказано, но изобрести что-то новое не представляется возможным, потому что старые утверждения того не допускают! Вот же, они бахвалятся –

наши учёные научились передвигать предметы при помощи света! Но сама идея использовать его для манипуляции объектами появилась ещё в начале двадцатого века, когда Эйнштейн, Планк, а затем и десяток других ученых подтвердили, что свет способен воздействовать на предметы, в частности, оказывать давление на них. Тогда они утверждали, что, используя направленный луч света, генерируемый лазером, можно перемещать микроскопические объекты. На крупные же предметы воздействовать невозможно из-за их большой массы. Не выйдет переместить даже карандаш – слишком мощный пучок энергии просто-напросто испепелит его. Поэтому эти ученые мужи двигают песчинки и радуются, точно дети.

– И при этом они опираются на доказательства того же Эйнштейна, кого ты сам ставишь в пример! – отрывисто бросила она, натягивая кофточку.

– Потому что он в своё время не побоялся наплевать на все существующие догматы и перевернул представление о пространстве, времени и гравитации! Современная физика построена на одиночке, что, открыто наплевав на устои, одарил человечество знанием, которое мы до сих пор не приняли в полной мере. Что же до авторитетов... Платон считал, что мы можем видеть окружающие предметы благодаря особым светящимся щупальцам, которые растут из наших глаз и постоянно «пробуют» окружающее. Множество людей последовало по его стопам, но разве это к чему-то привело?

– Это всё чушь! Знаешь, в чём реальная проблема? – посмотрела она на меня, – Ты каждую свободную минуту создаешь свой идеальный мир, и с каждым днём ты заполняешь его новыми и новыми фальшивыми идеями, переживаниями и образами, так что в конечном счете получился бесконечный лабиринт фальшивых идеалов, из которого ты не можешь выбраться, но при гордо кричишь «Подите прочь! Я один обладаю истиной!» каждому, кто пытается вытащить тебя оттуда – бросила Алёна, уже стоя у входной двери, – попробуй опровергнуть эту теорию! Чао, умняш!

– Так интересно, – сказал я опустевшей квартире, что внешне съезжилась, подобно картонной коробке и исторгла все возможные лучи света, – мы позволяем себе так грубо и цинично обращаться только с теми людьми, что нам истинно дороги. Это бессмысленно и жестоко, но где-то в глубине каждого из нас сидит эта червоточина, что исповедует принцип «бьёт, значит любит». Самое удивительное, что мой разум, беспрекословно понимая, что мы абсолютно разные люди, позволяет сердцу терзать себя тщетными возлияниями. И при этом строит неприступную крепость независимости и гордости, хотя сердце кричит – «ну же, я полностью твой, мне ничего не важно теперь, лишь бы ты была рядом!» – он натягивает скупую маску циника и цедит яд для каждого слова. Но под стражей хищно загнутых рёбер не прекращается жгучая боль, точно кто с размаху залил кислоты, так, что хо-

чется разодрать грудную клетку ногтями, вынуть плачущий орган, упасть замертво, подобно Данко, чьё сердце слишком ярко и слишком быстро горело. Но что я всё об амуре...

Вот оно, исследование природы света, к алтарю которого я принёс уже слишком многое – расписано на десятках излохмаченных, потрёпанных тетрадей, что разбросаны по всей комнате. Среди множества непонятных чертежей, неразборчивых каракулей и попросту бессмысленных закорючек, обозначающих места, где мысль зашла в тупик, расписана теория, над которой не первый год бьются лучшие умы по всей земле. По некоей иронии, та самая точка опоры, которой недоставало Архимеду, основополагающие строчки формул написаны на салфетке, которая хранит на себе следы шоколада и отпечаток темно-вишнёвой помады. Все вычисления и расчёты донельзя примитивны, покажи их хоть девятикласснику, едва изучившему основы оптики, познавшему преломление и дисперсию, он с легкостью докажет их несостоятельность и высмеет хрупкую теорию.

Сейчас самое время приступить к самому безынтересному и приземлённому этапу работы, вдобавок, отягощённому банальной нехваткой средств. В конце концов, что за чудодейственное устройство можно собрать «на коленке», пользуясь минимумом средств и подручных материалов? Мой бюджет не чета тому, каким располагал Тесла – индукционные катушки в человеческий рост мне не по карману. Потому и устройство моё едва ли выйдет крупнее кубика Рубика.

Не вижу смысла расписывать весь безудержно весёлый и увлекательный процесс сборки микросхем, пайки конденсаторов, подгонки линз и настройки фотоэлементов – местами весь этот сумбурный и хаотичный процесс был непонятен даже мне, и некоторые конструкторские решения, казались в высшей степени абсурдными. Несколько раз я всерьёз задумывался о том, чтобы жахнуть что есть силы по этому скоплению бесполезного хлама, колотить, с хрустом разламывая микросхемы и контроллеры, в ярости бить по не заработавшему прибору, сквозь заставший глаза кровавый туман не чувствуя ни боли, ни сожаления. Этапы работы над этим устройством хаотично менялись от гнева к смирению, от компромисса к унынию, и обратно.

Десять часов спустя, когда бабушки заняли свои традиционные боевые посты, пробудилась золотая молодёжь, а пролетариат заполнил коптящие троллейбусы, я отложил инструмент в сторону и взглянул на плод своих иступленных стараний. Выглядел он, признаться, довольно жалко – даже Тетрис в роли высокотехнологичного устройства дал бы ему сто очков вперёд, хотя бы плавностью линий и аккуратностью сборки. Будучи собранным, точно Колобок, из всяческого хлама, мусора и собранных по сусекам компонентов, он одновременно напоминал допотопный радиотелефон, мультиметр и старинную, нежно любимую всеми Электронику ИМ-02. Была здесь парочка тумблеров для переключения режимов искажения, россыпь светодиодных инди-

каторов, кнопка вкл\выкл, выдранная из старого советского радиоприёмника и ещё несколько разнокалиберных клавиш, ни на что по факту не влияющих, но приспособленные с заделом на будущее.

Выйдя из залитой мраком квартиры, я поневоле зажмурился – осеннее солнце светило необычайно ярко, словно хотело вдосталь побаловать людей своей лаской перед долгими холодными месяцами. Вечер разгорелся десятками цветов – от разноцветной листвы, разносимой задорным ветерком, до сонма шаловливых солнечных зайчиков, мечущихся между окнами типичных пятиэтажек и автомобилей их многочисленных жильцов.

Я плотнее запахнул куртку: не то, чтобы было особенно прохладно – хотел скрыть прибор от посторонних глаз и, придерживая его левой рукой, отправился на поиски подходящей аудитории.

С приходом в нашу жизнь зарубежного кинематографа и «европейского» образа жизни, всё более популярны стали моллы, торговые центры и супермаркеты, где под одной крышей можно прикупить всё для дома, начиная с резиновых уточек для ванной и заканчивая экскаватором для огорода; одежду всех возможных брендов от выдающихся модельеров Вьетнама и Индонезии; умопомрачительные ароматы, чья баснословная цена удушает не хуже сбивающего с ног запаха; а если вы вдруг утомились, блуждая по лабиринту бесконечных бутиков, то всегда можете отдохнуть и пере-

кусить в десятке разнообразных кафе, рестораничков и закусовых, предлагающих деликатесы всех известных стран и народов мира. Вас стоняют, подобно муравьев, и у всех на виду заставляють подбирать себе нижнее бельё, мучиться выбором между пятьюдесятью сортами растительного масла и объяснять ревущим детям, что у вас нет денег на покупку огромного шагающего робота на батарейках. Огромное скопление людей, запертое в тисках культа потребления, точно хомяк в пластиковом шаре. А мне того и надо – толпы народа, что при случае не обратит на меня внимания.

Ещё на подходе к торговому центру я осторожно высвободил прибор, больше для проформы покрутил регулировочные колёсики и затем, задержав дыхание и досчитав до непредсказуемых восьми, щёлкнул тумблером. Устройство недовольно заурчало, начало вибрировать, словно настойчиво трезвонящий мобильный, по моему телу пробежала лёгкая дрожь. Глубоко вдохнув, я вышел из подворотни и направился к дверям молла, оснащённым фотоэлементом. Ноль реакции. Алюминиевая конструкция не выказала и грамма гостеприимности. Пришлось дожидаться шумной компании студентов, чтобы просочиться внутрь вместе с ними. К ребятам тут же подскочили двое девчушек-промоу-теров, предлагая курить только Winston, отдыхать исключительно с агентством Cherry, а лечиться от дифтерии не иначе как в клинике Самуила Маршака.

Визитки достались каждому студенту. Даже тем, у кого были заняты руки, буклет сунули подмышку, в сумку или карман. Мою скромную персону заслуженно обделили вниманием. Удовлетворенно хмыкнув, я направился в ближайший магазин компьютерной техники. У них повсюду расставлены камеры, изображение транслируется прямо на мониторы, стоящие на витрине. Никогда так не хотелось покрасоваться перед зеркалом, тем более, в научных целях.

К сожалению, у невидимости есть и отрицательные стороны: стоило мне войти в торговый зал, как на меня налетел парень, несущий огромную коробку компьютерных мышей. Оба мы рухнули на пол, коробка перевернулась и пластиковые блистеры вперемешку с картонными коробками с грохотом разлетелись по всему залу. Будучи воспитанным в интеллигентной семье, я, конченный идиот, бросился помогать продавцу собирать все разбросанные упаковки, и только подняв взгляд на ошалевших работников, я понял, что дело нечисто. Конечно, зрелище, когда вещи сами собой прыгают в коробку, встречается нечасто!

Распахнулась дверь служебного помещения, в торговый зал выбежал приземистый пухлый мужчина с залысынами, неистово жестикулирующий и разговаривающий исключительно на повышенных тонах. Тут уж стало не до моих фокусов.

– Что это за бардак? Вы что тут устроили? Юра! Где Юра? А ну-ка подойди-ка сюда, дружок! Что-то мне не нравится,

как вы работаете! Почему пыль на полочках? Почему пыль? А мышки разбросаны? Бедлам! Вы что себе тут удумали? Почему в зале только три человека? Где Алексей?

– На обеде...

– Как на обеде? Сколько сейчас времени? Какой сейчас, нахрен, обед?

– Мы же в порядке очереди... просто народу много было, вот он и задержался...

– Ах, народу! Подождали бы, не сломались! В пять часов вечера – это не обед, это разгильдяйство! Вот придёт – пусть заявление пишет, раз не хочет работать. Второй вопрос: почему ты клиентам не продал ноутбук с ремонта?

– Это родственники приходили, я им отсоветовал. Он же на ладан дышит, хорошо, если до гарантии доработает.

– Так вот ты запомни одну простую вещь. В моём магазине по знакомству имею право продавать только я сам. Все остальные продают так, как скажу Я! Товар у нас – исключительно хороший, а особенно тот, на котором мы зарабатываем хорошие деньги! Вы здесь для того чтобы продавать; продавать больше и дороже, и на всякие там прочие... накласть. Если вы не согласны – валите нахрен отсюда. А ещё раз хоть от одного из вас услышу «чем вам помочь?» вместо «чем я могу быть полезен» – вышвырну с волчьим билетом! Ну, что встали, олухи? Наводите порядок! Пока нет клиентов, можете с тряпками побегать, пыль погонять, чтобы каждый монитор сиял, как у кота яйца! Я так понимаю, вы хотите без пре-

мий работать? Значит, в этом месяце без них и обойдёмся! А с тебя, Артём, ещё объяснительная через полчаса, почему ты разбрасываешь товар.

Всё это время я, стусевавшись, стоял в стороне, совершенно не представляя, что делать – вначале устыдиться, что так подставил ребят, или же сразу ошалеть от такого спектакля. Когда я в этом самом магазине оформлял заявку на компьютеры для своей кафедры, этот директор показался мне вполне приятным, улыбчивым человеком, пусть иногда лебезящим перед знакомыми из Думы, ЖКХ и прочих важных организаций, а сейчас снял свою маску и оказался в личине самодура и тирана, третьей беды помимо дураков и дорог. Почему-то накатило гадкое ощущение пополам с обидой, точно это меня отчитывали как нагдившего в тапки ко-та. Я покачал головой и вышел из магазина,

Я немного побродил по торговому центру, понаблюдав за людьми, снующими туда-сюда, болтающими о том, о сём. Убедился, что прибор работает исправно, и ни малейшего сбоя не предвидится, независимо от количества людей, окружающих меня. Уже собравшись уходить, я встретил декана нашего факультета в компании вечного прихлебателя – младшего ассистента, в непринуждённой беседе расположившихся возле отдела женского белья. Вот же негодяи, давно я подозревал вас в подобном фетишизме!

– Кирилл Павлович, что вы нашли в Смолякове? Он же

явный бездарь! Современной науке следует идти по пути, проторенному литературой и философией – изучать прошлые свершения! Это даёт несоизмеримо больше, нежели попытки изобретения велосипеда. Достаточно проштудировать один труд Гюйгенса или Планка и всю дальнейшую научную деятельность сосредоточить на тенденциях развития их теорий, скрытых и зашифрованных смыслах, или же наоборот, разбить их в пух и прах! В конце концов, сколько вы знаете современных философов? Все говорят о Фоме Аквинском и Эмпедокле. Мир знает мало имён в современной физике, но оперирует теоремами, приведёнными десятилетия назад. За рубежом всё ещё строят многомиллионные коллайдеры, но результат – пшик. Якобы они нашли ту самую частицу бога, и что? А Ваши труды о несостоятельности идеи рассеяния света переводятся на несколько языков и многие...

Проклятый подлиза! Эти так называемые «труды» были скомпилированы из десятка курсовых работ и диссертаций младших сотрудников кафедры, переработаны и извращены под нужды декана, а между тем эта самая теория, которую он опровергает, сейчас позволяет мне скорчить рожу акулы, подавившейся ананасом прямо перед его лицом, а никто и не заметит.

– Действительно, – откашлялся седобородый профессор, – меня многое в нём не устраивает: и его постоянные требования инвестиций в проекты молодых сотрудников, и

то, что он неровно подкалывает отчёты в папку. Ну а эти поиски истины, безумные идеи, эксперименты – это, батенька, уже перебор. Молодой человек безмерно жаждет славы и признания, потому и старается изобрести всякую чушь. Гравитонный луч,двигающий предметы? Невидимость? Способ достижения сверхсветовых скоростей? Помилуйте! Нам же платят не за инновации, а за научную деятельность!

Невероятно сложно было справиться с порывом выключить прибор, выскочить, словно чёрт из табакерки и что есть мочи врезать кому-либо из них по морде. Последующие идеи также не были поводом для гордости – поставить подножку, нацепить ему на голову что-либо из товара с витрины... В конце концов, я просто отвернулся и ушёл прочь. Быть невидимкой оказалось слишком грустно. В детстве ты думаешь, что это позволяет веселиться, забавлять людей, словно Питер Пен... Ну не было персонажей невидимок в российском кинематографе! Разве что Маргарита, но то дурной пример для семилетнего мальчика. По факту невидимка становится молчаливым свидетелем человеческой фальши, лжи и обмана.

Возле выхода меня чуть не припечатали огромным штендером, изображающим семейку динозавров, приглашающих всех посетить киносеансы с 27 ноября. Пришлось-таки сбросить невидимость, благо, никто не обратил внимания на внезапно материализовавшегося посреди зала мужчину.

Вечерело. С набережной донёсся лёгкий свежий ветерок,

промчался по мостовой, вздымая разбросанные смятые листовки. Почему-то вдруг захотелось пива, вкусного холодного пива, вспомнился уютный ирландский паб, в который нас тогда затащила лучшая подруга Алёны, темноволосая девушка по имени Яна, знающая наперечёт все приличные бары в городе. Как же он назывался? Кажется, «МакЛаренс» или что-то подобное.

Вот только пить в одиночку я никогда не любил, да и дел было невпроворот – из нескольких режимов прибора я испробовал только невидимость, поэтому я решил забежать в ближайшую кофейню, наспех выпить кружечку горячего и бодрящего, а уж затем снова приступить к испытаниям.

Я занял крохотный столик по соседству с двумя парнями, ведущими оживлённую дискуссию и, как бы ни старался обособиться от их разговора, всё-таки слышал обрывки фраз:

– Объясни мне, что с тобой не так? Ты добивался её два года, не спал и не ел, лез на стену, когда она была далеко. Я с тобой ездил караулить её у университета, выведывал расписание, чтобы подстроить «случайную встречу». Ты же просто бредил денно и ночью, рисовал её портреты в каждой тетради, на асфальте перед подъездом писал «я люблю тебя», а что случилось теперь? Когда ты обрёл свою мечту, то начал гулять с регулярностью, завидной для мартовского кота. Я просто тебя не узнаю!

– Тут всё очень просто, – со вкусом затянулся сигаретой

собеседник, – пока ты её добиваешься, она мечта. Она недосягаемый идеал, к которому ты ползёшь, обламывая ногти. И жизнь без неё не мила, и все цвета смазаны, бла-бла... Но вот мечта в твоих ладонях, и ... Вот нет стремления уже за что-то бороться. Нет острых ощущений, которыми я жил долгое время, к которым я так привык. Переживать, трястись от волнения, когда звонишь ей, пробиваться к ней между парами, чтобы оставить подарок с цветами в пустой аудитории. Нет, я не говорю, что любить я стал меньше. Просто мне с ней немного скучно, и я себя подобным образом развлекаю.

Право слово, если бы друг не дал ему по морде, это сделал бы я.

Вышел из кафе я в крайне дурном расположении духа, не помог ни вкусный кофе по-венски, ни мудрёный итальянский десерт. Настроения на какие-то изыскания с прибором не было совершенно, и я уже было побрёл в сторону дома через окружающие подворотни, как откуда-то со стороны гаражей донёсся сдавленный крик «Помогите!»

Ноги сами понесли меня быстрее, чем я успел сообразить, а что же я буду там делать.

– Помогите! Насилуют! Да отцепись же ты от меня! На помощь!

Больно много рыцарского ещё осталось в моём характере, что я не смог просто пройти мимо. Я помчался к скопленю гаражей-ракушек, где испокон веков творились всяческие безобразия. В одном из тёмных проулков я заметил две

тёмных фигуры, прижавшиеся к стенке ракушки.

– Умоляю, прекратите, пожалуйста! – плакала девушка, тщетно пытаясь отбиться от облапившего её мужчины на голову выше ростом.

Я же второпях, не отдавая себе отчёта, поднял прибор на уровень глаз и с звонким металлическим щелчком переключил тумблер.

– Эй! Бугай! – позвал я и, выждав, пока насильник обернётся, вдавил кнопку до упора, – Салют!

Для себя я отметил, что на следующий раз возьму с собой защитные очки – как сильно не зажмуривайся, а после такой мощной вспышки мир ещё долго будет разукрашен в десятки цветов в стиле Дали, а перед глазами будут плясать всевозможные звёздочки и летать серпантин. В черепе нарастала пульсирующая боль, и даже слух, казалось, немного пострадал. Тем не менее, парню-насильнику пришлось куда хуже – он катался по земле и истошно вопил:

– Ай, сука, ненавижу, падла ты конченная, да я сейчас встану, ты у меня пожалеешь, гнида, мля!

И что самое интересное... Девушка кинулась к нему на помощь, причитая:

– Лёшенька, миленький мой, что с тобой? Что с твоими глазами? Посмотри на меня, посмотри на меня!! А ты, ублюдок, ты какого хрена лез вообще, тебя просили вообще вмешиваться? Не твоё собачье дело, чем тут люди занимаются! А ну, пошел на хер, тварь, ненавижу тебя!

У меня просто опустились руки. Как будто меня окатили ушатом то ли ледяной воды, то ли дурно пахнущих помоев. В голове, точно разбуженный пчелиный рой, метались противоречивые мысли: то ли извиниться, то ли наорать за эти глупости, припомнить басню о пастушке и волках... но я только потерянно разевал рот, точно свежепойманный окунь, и не мог вымолвить ни словечка в свое оправдание. А затем, плюнув, я ушел восвояси, куда глаза глядят.

И шёл я до самого моста, что вёл на другую сторону Волги. Можно было подняться, посмотреть, как внизу ходят мелкие кораблики и катера, пошвырять камешки или попытаться плюнуть аккуратно на сверкающую лысину водителя утлого судёнышка.

Как принято в обиходе рассказывать о совершенно невероятном развитии событий – вдруг, внезапно, ни с того, ни с сего раздался жуткий, отвратительный визг тормозов, скрип колёс, стирающихся об асфальт и душераздирающий скрежет металла. В сотне метров от берега какой-то автомобиль пробил ограждение и лишь чудом зацепился за искорёженный бордюр, повиснув над холодными водами.

Все сетуют на то, что в голливудских фильмах на местах происшествия мгновенно собирается гаргантюанская разношёрстная толпа, что мечется, охает и взывает к справедливости и помощи. Поверьте мне, даже в поздний час на безлюдной набережной, толпа не заставила себя долго ждать. Суестьющиеся зеваки, пытающиеся отвоевать наблюдательный

пост получше, \ причитающие старушки и мамы с детьми, дяденьки, разглагольствующие и дающие дельные советы. На мосту прекратилось движение, было видно, как некоторые люди рискнули приблизиться к автомобилю, что вот-вот рухнет вниз, но на активные действия у них смелости явно не хватило. Никто даже не позвонил в МЧС, пожарную службу, полицию... хоть куда-нибудь. Стоит ли ожидать от них подвига, рассчитывать, что кто-то бросится в холодную воду спасать несчастных людей?

Сингапурские ученые утверждают, что крупные предметы воздействием концентрированного светового луча перемещать невозможно – это требует слишком высоких мощностей; подобная температура просто испепелит цель. А, к чёрту! Я выкрутил регуляторы на максимум и щёлкнул тумблером.

Риск – дело благородное. Но то, что я пытаюсь сотворить сейчас – форменная дурость. При помощи собранного на коленке прототипа пытаться передвинуть целый автомобиль, да ещё на таком расстоянии... либо я его поджарю, либо прибор разорвётся у меня в руках. Не сочтите за циничность, первый вариант меня устраивал больше. А прибор гудел, тархтел, трясся, точно в лихорадке. Завывал потусторонними голосами. Выпускал клочья дыма. Надсадно хрипел, точно загнанная лошадь, мечущаяся в дорожной пыли. Металл раскалился до красна, он жёг мне руки, слышно было шкворчание кожи, гадкий запах палёного врезался в ноздри. С от-

чаянным криком я отбросил прибор, превратившийся не во что иное, как в бесформенный комок металла с искорёженными транзисторами и палёными микросхемами, ошестинившийся острыми шурупами и оплавившимися проводами. А что машина? Рухнула в воду? Занялась пламенем? Нет же, застыла в нескольких метрах от края, помятая, исходящая чадом жженой краски, и из неё выбираются шокированные люди.

Толпа зевак взорвалась радостными возгласами, и уже было собралась расходиться, как подоспел кортеж журналистов. Вот неторопливо расчехляет камеру дюжий бородатый мужчина, жалующийся на сверхурочную работу, и прихорашивается, одергивает платёжишко ведущая.

– Добрый вечер! Мы ведем прямой репортаж с места автомобильной аварии, произошедшей напротив торгового центра «Гулливёр», в котором установлен самый большой в Европе экран кинотеатра!

Наша съёмочная группа стала свидетелями ужасного происшествия, того, как автомобиль пробил ограждение моста и едва не свалился в реку, но благодаря чётким и слаженным действиям... Миша, смотри, едут МЧС-ники, давай крупный план!

Почему работники МЧС подъехали не на само место аварии, а поближе к съёмочной группе? И что с ними делает

губернатор? А, без разницы! Я сидел на бордюре и, грустно улыбаясь, вертел в руках безнадежно испорченный куб. Чтобы собрать такой заново, даже по имеющимся схемам, уйдёт немало времени... Он тускловато светился, отдавал мне последние крохи своего тепла, а я смотрел, как толпа, получившая свою порцию зрелищ на ночь, расходится по домам. Тем временем объемистый краснолицый мужчина в костюме-тройке напыщенно вещал в камеру:

– ... несомненно, главная заслуга в успехе – это наша неустанная работа, большого коллектива, нацеленного на высокие показатели. Хотелось бы заострить внимание, что нами за последний период было многое достигнуто, это, безусловно, и успехи в спорте, и повышение уровня культурной жизни города, и выдающиеся достижения аграрной отрасли. Отдельно я отмечу, был недавно, посещал наши Высшие учебные заведения, побеседовал как с преподавательским составом, так и с выдающимися студентами, в целом наметили вектор развития всей отрасли, нацелились на преодоление высот, вы знаете, это уже... В общем говоря, только благодаря грамотной и качественной работе руководящих органов, сегодня мы имеем положительный результат...

Эх, до чего гладко стелет! А мне бы сейчас не сетовать на сгоревший прибор, а нестись стремглав домой, бинтовать обожжённые руки, а не то назавтра я буду беспомощен как ребёнок.

– Дяденька, – вывел меня из оцепенения голос. – Дядень-

ка, – настойчиво повторила девочка с соломенными волосами, – я всё видела! Как вы спасли этих людей, вытащили машину с обрыва! И пусть никто вас за это не поблагодарит, но знайте, вы сегодня совершили доброе дело! Вы хороший, дяденька. Не отчаивайтесь!

Поначалу я потерял дар речи: где-то посередине груди девочки я отчётливо видел сверкающий шар, увитый цветами. Я тщательно поморгал, но это помогло слабо: девочка лет семи уже вприпрыжку неслась к маме, одетой в пальто горчичного цвета, держащей в руках её объёмистую сумку.

Прибор тем временем снова нагрелся и заискрил. Я посмотрел на политика – в груди его висела душа тёмная, как грозовая туча, периодически выплёвывающая буклеты с предвыборной агитацией. По другую сторону улицы, не смотря под ноги, бредёт домой понурый мужик с авоськой, небритый и обросший – видно, едва колышется чахлое облачко, где застыл искорёженный образ жены, погибшей от инсульта полтора года назад, а его душа с того времени медленно покрывается коростой, чахнет и чахнет. Только у пары детей посередь груди видать чистые перистые облака. У остальных души чёрные, как смоль, стянутые цепями, придавленные грузом алкоголя, забитые презрением. Мимо проходят воркующие влюбленные – но её нутро сочится ядом, а у него в груди, точно цербер, сердце пышет ненавистью. Рядом со мной стоит бородатый старичок в поношенном плаще, едва прикрывающем пульсирующее грозо-

вое облако, пронизанное молниями, точно сетью причудливых трещин, в нём клубятся разрозненные образы, чувство непередаваемой усталости и затаённой вины. Мельком я обратил внимание, как он крутит в руках, затянутых в перчатки, странной формы флакон... но это было не самое странное.

Я никак не мог поверить своим глазам – казалось, подобное может случиться только в сказках или фантастических рассказах. Неужто вот это самое устройство, сконструированное на чистом энтузиазме, не только способно передвигать тяжеленные автомобили на расстоянии, но и даёт силу видеть человеческие души?

Эх, как бы глупо и наивно не было моё первое желание – мчаться на площадь Советскую, вбежать во второй подъезд элитных новостроек, миновать сурового консьержа, на одном дыхании подняться на четвёртый этаж, и там, выждав всего несколько мгновений, пока Алёна откроет дверь, взглянуть на неё, дотронуться до трясущейся души, что с детства измотана бесконечными переездами, когда семья коммивояжера Сапухина была вынуждена менять место жительства едва ли не раз в месяц, когда невозможно ни завести друзей, ни обрести свой угол, вечно не хватало денег, и ребята в школе до слёз дразнили её дылдой за высокий рост... Сказать это глупое и невероятное «Я люблю тебя», а там уже будь, что будет...

Этим вечером на набережной было невиданное столпотворение: собрались и пожарные, и медики, а уж работников правоохранительных органов было пруд пруди. Шутка ли – прямоком с моста, протаранив ограждение, улетел в реку автомобиль с четырьмя пассажирами, а в то же самое время на берегу раздался оглушительный взрыв. Судя по обломкам, что удалось собрать, это был какой-то самодельный прибор, что-то вроде карманного излучателя, не выдержавшего нагрузки. Парню, использовавшему это устройство... просто не повезло: собирать его пришлось по кускам. Свидетели при виде такого зрелища предпочли тут же ретироваться с места происшествия, все, кроме пожилого человека в плаще и с томиком Достоевского подмышкой и подозрительно позвякивающей вместительной сумкой.

Клякса

На самом краю стола, покрытом причудливой резьбой, плодом филигранной работы неизвестного, но весьма талантливого мастера, покоится кисточка. Заметьте, она вполне могла лежать, валяться или просто быть варварски оставленной и позабытой, будь она кисточкой попроще, скажем, типичной моделью «Белка №4 – кистью художественной круглой, материал – иск. волос, арт.2591247.» Нет же, эта кисточка с характером, наполняющим безупречную форму – от покрытой лаком, тщательно отшлифованной древесины темно-коричневого цвета, до золотой гравировки известной

немецкой фирмы. И пусть вас не смущает, что она выпачкана в грязно-жёлтой краске, которая, заметьте, тоже не из простецкого набора «гуашь Медовая, 6 цветов», а привезена на заказ из далёкого Франкфурта. Я думаю, вы уже поняли, что это комната принадлежит отнюдь не мальчику Пете, что забыл убраться на рабочем столе после того, как нарисовал на завтрашний урок пейзаж из русской народной сказки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.